

РУСЛАН КАРМАНОВ

МОСБАСС

(Повесть о настоящем)

Кемерово
2020

УДК 82-94(571.17)
ББК 84Р7-4
К21

*Автор благодарит **Сергея Бондаренко**
за идею названия повести*

Карманов Р.

К21 МОСБАСС (Повесть о настоящем) / Р. Карманов. – Кемерово, 2020. – 111 с.

Мосбасс – прозвище главного героя, «понаехавшего» на работу в Москву из провинциального Кузбасса. Эта книга о поисках сибиряком самого себя и смысла жизни на малой родине и в столице. Временные рамки повести – 30 лет, от «перестройки» СССР до «обнуления» России. Томь в «Мосбассе» – река времени, из которой всегда можно выйти, но коренному кемеровчанину никогда не уйти от нее навсегда. Книга основана на реальных событиях.

УДК 82-94(571.17)
ББК 84Р7-4

© Карманов Р., 2020

*Моим настоящим
сибирякам из Кемерова
посвящается*

КАК ОН СМЕЛ

Книга Руслана Карманова наверняка будет тепло принята в Кемерове и прохладно – в других городах. Потому что автор не боится сказать горькую правду: кемеровчане – очень хорошие люди, а все остальные – не очень.

Впрочем, именно то, что он не боится, – в данном случае даже важнее того, что он говорит. На мой взгляд, смелость – вообще самая главная и самая обаятельная черта Карманова-человека. Особенно в наше трусоватое время.

С Кармановым-автором, правда, сложнее. Смелость, с которой он шагнул (а точнее, нырнул – учитывая то, что река Томь в его тексте прямо-таки стержень сюжета) в новое для себя дело – художественное творчество – не может отменить того факта, что здесь он новичок. А как поступает нормальный кемеровский пацан (пусть уже и не в кроссовках «адидас» и без норковой кепки), попав в новое место? Правильно, показывает всем, кто тут теперь главный. И прозу, к примеру, нужно писать так-то и так. При этом он выкладывает то, что думает, глядя читателю прямо в глаза, да еще и спрашивает в лоб: «А у тебя есть мысли на этот счет? Нет? А если найду?» Но самое-то удивительное, что подобное нахальство может читателю нравиться!

Будущие издатели с ума сойдут, определяя, литература это или нон-фикшн.

Подойдя к возрасту, когда писать мемуары – уже не грех, Руслан Карманов и здесь поступил смело: в его беллетризированных воспоминаниях (не будем лукавить, напуская тумана других терминов, автор и без нас запутался в игре «Завуалируй прозрачно») нет даже попытки быть объективным. Всё только так, и никак иначе! Все именно такие, как я описал! Опасная позиция, если знать, как легко узнаваемы персонажи. А Карманов-то об этом точно знает.

Это он в своей Москве набрался – провоцировать, «зацеплять» читателя. И, конечно, это следствие многолетней репортерской работы. Причем успешной – с признанием, с осознанием своей немалой величины. Но я думаю, что это не всегда плюс. Да вы и сами увидите, как в потоке горячего, задушевного монолога порой вдруг

возникает комок ненужного «журнализма». Так я слегка отомстил автору за то, что меня он вывел недостаточно блистательным.

А если серьезно, со многими текстами от первого лица может возникнуть такая морока: где тут писательство, а где правдоубство? Руслан Карманов в «Мосбассе» попробовал эти, казалось бы, разнонаправленные позиции объединить. Получилось это? Не знаю. Но попытку стоит засчитать. А текст – прочитать. И поместить его в ряд других достойных, где город Кемерово выступает в одной из главных ролей. С одного края этой шеренги – утонченно-выверенная «Шизгара» Сергея Солоуха, с другого – безыскусно-искренняя «Лида в поисках любви» Людмилы Чидилян. Книжку Руслана Карманова я поставил бы между ними примерно посередине.

Я сознательно не называю жанра этой вещи, поскольку он до конца мне не ясен. Это и не исповедь, и не автобиография в чистом виде. Мне кажется, ближе всего «Мосбасс» к тосту – пускай и длинному, и с отступлениями (особый привет футбольному тренеру из Ленинска-Кузнецкого). Это такой особый вид высказывания, когда говоришь от чистого сердца хорошие вещи своим близким. «Завязав» и подobreв, Руслан Николаевич, мне кажется, совершенно закономерно подошел к этому жанру. И я готов поднять бокал вместе с ним даже на расстоянии, даже если сейчас он пьет совсем не пацанское «Жигулевское – 0».

Андрей КОРОЛЁВ,
коренной кемеровчанин

ГЕОГРАФИЯ КВАРТИРНОГО ВОПРОСА

Руслан Карманов написал смелую повесть. В наше «трусоватое время». Как выразился один из его рецензентов. К трусоватости мы еще вернемся. В 37-ом, когда полстраны сидело в лагерях, а полстраны, высунув язык от усердия, строчило доносы, оно не было трусоватым? Или в 41-ом, когда враг стоял на пороге. Рабочие, профессора и студенты уходили в народное ополчение. А кто-то уже ждал нового вождя и рыскал в поисках брони. Художественные достоинства первого литературного опыта известного журналиста, как и его недостатки, пусть оценят критики и, в первую очередь, сами читатели. Им виднее. Нас же интересует главное в этой небольшой по объему книге – актуальность темы и позиция автора. Жанр, который избрал Р. Карманов, можно назвать исповедальным. Многие писатели начинали свой поход в большую литературу именно с исповеди. Так было и в 60-ые годы прошлого века, во времена оттепели, когда появилась невиданная по откровению проза В. Некрасова, В. Аксенова, В. Астафьева, чуть позже обжигающие душу книги Ю. Нагибина, В. Шукшина и Ю. Казакова. И в наше время исповедальные опусы – не редкость. За вымышленными именами героев повести «Мосбасс» угадываются реальные люди и сам автор. Президент Тятин на юбилее старейшей газеты страны, отторжения у нас не вызывает. Разумеется, это не мемуары и не автобиография. Книга имеет подзаголовок – Повесть о настоящем. Что есть «настоящее» в понимании Карманова?

Россия была и осталась страной движения. Сейчас говорят «движухи». Ни одно государство в мире не знает такого перемещения людских масс во времени и в пространстве. Казаки шли на Восток «встречь солнца», осваивая территории, столыпинские вагоны стучали по рельсам, увозя крестьян на новые земли... А ведь еще «срока огромные брели в этапы длинные» – спел любимый бард главного героя повести. И страшная война была – с эшелонами, день и ночь идущими на Запад, отголоски ее в повести. И целина, и комсомольские стройки. Мятежная страна...Если уж выстраивать исторические аналогии, то и рыбный обоз с шагающим за ним будущим гением Ломоносовым, сам собою просится в ряд. Да ведь и Птицу-тройку со счетов не сбросишь...Куда несешься ты?

Не дает ответа! В наши дни тема обозначена пожиже и поприземленней – «понаехавшие». Еще негативнее – «замкадыши». Одна из самых болезненных тем современности. Роман Сибирцев, по прозвищу Сибирча, главный герой повести, после смены многочисленных съемных квартир, обустраивается в подмосковной Лобне. Настоящий замкадыш. После распада великой державы, с началом Перестройки, огромные толпы эмигрантов из бывших республик хлынули в столицу. Здесь сытнее, можно, как говорят сейчас, «подняться». Режиссер С. Дворцевой снял трагический фильм «Айка» (в международном прокате «Мой маленький») о киргизской девушке-нелегалке, бедствующей в столице. «Москва бьет с носка» – точнее не скажешь. И слезам по-прежнему она не верит. Сибирча – не эмигрант и не гастарбайтер. Он из славного города Кемерово. Недавний футболист, мечтавший играть в сборной России, репортер, ставший лучшим в главной спортивной газете страны. Он ездит на международные соревнования, ходит на Госсоветы по физкультуре, с ним за руку здороваются сам Хан, властитель шахтерского края... В Кемерово Хан Сибирчу не замечал. И Президента Тятину Роман видел близко. И даже задал ему пару вопросов. И вообще Сибирцев уже купил (ипотека) квартиру в Лобне. Поднялся, одним словом. Что еще надо человеку?! Оказывается, многое. Если он, конечно, человек, а не пьющий стаканом водку в московской забегаловке алкаш, где местные бездельники пьют ту же водку. Но – рюмашками. Чтобы не распадаться на куски мгновенно. Главного героя мучит сомнение: в Сибири живут хорошие люди – кемеровчане. А все остальные – не очень? Москвичей испортил квартирный вопрос. По меткому наблюдению классика. А сибиряков и хабаровчан он не испортил?

Приведу эпизод из «Мосбасса», который мне кажется писательской находкой Карманова. Сибирча, в свое время, защитил диплом на тему роль личности в истории. И вот, спустя годы, он стоит на встрече, посвященной 90-летию газеты, рядом с Президентом. *«Сибирцев, на полголовы возвышаясь над всесильным государем во время фотосессии, поймал себя на мысли: «А что если треснуть по уху самого царя, как сильно изменит этот хук ход истории?»* И тут же сам себе отвечает: *«Не сбить с ног такого*

крепыша одним ударом...» Подмечает за Президентом характерную особенность: когда Тятин крепко жмет руку, он еще как бы подтягивает человека к себе. Есть такой прием у сильных борцов. Маргинальная выходка хулигана-сибиряка? Легкое помешательство и стресс от важности момента? Ни то, ни другое, ни третье. Глубоко спрятанная реакция человека, когда он находится в присутствии царственных особ. Просто не всякий может в этом признаться. Что все-таки нужно, чтобы остаться человеком – и в провинциальном городишке, где от «зеленого змия» умирают один за другим однокашники, и рядом с Президентом, в блистающей огнями столице? Ведь в повести «провинция» понятие совершенно не географическое. Земляк Сибирцева, проживший в Москве уже много лет – актер, отвечает точно: *зла не делай другим*. Вот и вся формула твоей прописки. Не в Москве даже, или в Кемерове. Вообще – на земле. Сцены шахтерской жизни, когда герои-труженники не в лаве «выдают стране уголька на гора, хоть мелкого – но много», и не стучат касками по булыжнику на Горбатом мостике, а рубят топорами любовников своих жен, как и сцены жизни новых редакций медиа – с игрой в свободу слова, мелкими откатами, рабским служением ханам, пьяные реалии, когда запах великой Томи сравним с запахом мужского семени, а ловятся в ней уже не таймени, а головастые пескари-мутанты, пахнущие фенолом – вот болевые точки прозы Карманова. А еще – собственная алкогольная зависимость, несчастья с женами, необходимость льстить газетному начальству и поддакивать стукачам. Тогда и командировки будут за границу. Хотя Главный редактор «Российского Спорта» в книге Карманова совсем не отрицательный персонаж. Автор в своем тексте, к счастью, избежал провинциальной спеси местечкового патриотизма, присущего рецензентам из маленьких, но гордых городков. Уж они-то знают, как надо «делать» и жизнь, и прозу. И других научат. Да так, что издатели сойдут с ума, определяя жанр очередного шедевра. Лучше всего, оказывается, в стилистике тоста.... Правда в книге Карманова другая. Не в жанре застолья. Один из героев повести говорит, что конверт с деньгами, хоть в Москве, а хоть и в Кемерове, (а хоть и в Африке – добавим мы) он все равно «откат». Как не маскируй под благотворительность.

Исходя из настроения повести «Мосбасс» мне представляется такая картинка. Президент Тятин сидит в Кремлевской светелке и глядит в окошко на зимнюю дорогу. Обозы все идут и идут в Москву. Морозная дымка... А за обозами шагают и шагают плечистые парни. Не все из них станут Ломоносовыми. Но попробовать хочется. Даже в «трусоватые» времена. Один из режиссеров современности С. Голомазов заметил: «Время коммерсантов как в экономике, так и в политике. Сейчас время людей «себе на уме». И не время глобальных личностей – победителей и бунтарей... Сегодня стихия дельцов, хитрецов, конформистов, лихих пронырливых дилетантов и служак. Это не значит, что время ужасное, оно просто другое». Мне кажется, Карманов написал про такое время. Лично мне, правда, нравится определение поэта: «Времена не выбирают. В них живут и умирают. Большой пошлости на свете Нет, чем клянчить и пенять». Пенять на судьбу бесполезно. Сибирча сам куёт своё счастье. Будем ждать от Карманова второй книги. Олег Митяев, почти земляк Сибирцева, горько и честно сказал про себя в песне: «А вот правды сказать не умею. Но, даст Бог, я еще научусь». Карманов посмел сказать читателям правду. Похоже, он шагает за правильным обозом.

Александр КУПРИЯНОВ,
коренной дальневосточник, писатель,
Главный редактор медиахолдинга «Вечерняя Москва».
В столице 35 лет

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I КЕМЕРОВО СКЛОНЯЕТСЯ	11
Глава II ЗАПАХ ТОМИ	18
Глава III ЛОБНЯ БЕЗ .УЕТЫ.....	29
Глава IV ШАХМАТЫ В «РОССПОРТЕ»	34
Глава V ТЯТИНА ВИДАЛ	41
Глава VI КОЛБА И ЧЕРЕМША	46
Глава VII ШАХТЕРСКИЙ СТРИПТИЗ	51
Глава VIII ГУСЬ ВОЛЬНОДУМСТВА С ЧЕРНОСЛИВОМ	57
Глава IX БЕЙ ПЕРВЫМ, СИБИРЧА!	68
Глава X КИШКИ И КОГТИ РАБОЧЕГО КУЗБАССА	77
Глава XI «ЭТО ВАМ НЕ ХРЕН В СТАКАНЕ»	85
Глава XII В ЗЕРКАЛЕ УЧИТЕЛЯ	93
Глава XIII МОСБАСС И КУЗБАССЯТА	101
ПОСЛЕСЛОВИЕ	107

*В младенчестве нас матери пугали,
Суля за ослушание Сибирь, грозя рукой, –
Они в сердцах бранились – и едва ли
Желали детям участи такой.*

*А мы пошли за так на четвертак, за ради бога,
В обход и напролом, и просто пылью по лучу...
К каким порогам приведет дорога?
В какую пропасть напоследок прокричу?*

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Глава I

КЕМЕРОВО СКЛОНЯЕТСЯ

– В Кемерово снова какой-то пожар, какая-то «Зимняя вишня» горит, – чертыхнулась Светка Говорова – выпускающий редактор ведущего российского информагентства – «бастиона правды» на Дубовском бульваре столицы. Писать новость Светке категорически не хотелось, и она пустилась в глубокие, по ее представлению, размышления. – Если новость из Кемерово, то это либо Тулеев раздал подарки, либо взрыв на шахте и сотни трупов, что за Кемеровский край такой, где он вообще находится, попа мира подземельная для кротов и землероек.

Коллега Светки Роман Сибирцев пришел в информагентство два месяца назад, и за это короткое время «коренная москвичка из Рязани» Светка Говорова его достала своей непричесанной тупостью. Он был старше ее на 20 лет, 12 из которых прожил в Москве, погнавшись за яркими впечатлениями как раз из Кемерово, где родился, вырос и жил в сонной неге провинциальной берлоги до 33 лет.

Первые лет пять жизни в Москве Сибирцев негромко очумевал от надменности своих соотечественников с московской пропиской, границами своего сознания и мировоззрения однажды и навсегда обозначивших пределы МКАД.

Светка Говорова была из этой ограниченной породы. Гаже могли быть, и это Сибирцев хорошо прочувствовал на себе, только чванливые и лицемерные «арендашки» московских квартир.

За время работы в Москве, а Сибирцев первые годы в столице считал исключительно работой, он успел снять восемь квартир, пока не встрял в ипотеку в подмосковной Лобне возле аэропорта Шереметьево.

Каждый из столичных «арендашек» стелил мягко, но уже через полгода поднимал цену на жилье – ссылаясь на тиски экономического кризиса, «наш Крым» и лампочки в подъезде, которые, «ох уж эти санкции, стали ужас как дороги».

Незнание географии Сибирцев давно простил москалям – широка Россия, на карте страны можно заблудиться не только иностранцам.

Однажды в командировке в Архангельске, куда он приехал из Сибири, Сибирцев устроил опрос местных жителей на телекамеру: где находится Кемерово?

Результаты впечатляли полярностью: Кемерово рядом с Ленинградской областью, Кемерово – это, безусловно, Урал, Кемерово – конечно же, на Дальнем Востоке.

Что удивительно, почти все опрошенные безошибочно называли имя губернатора Кемеровской области: «вот бы нам такого губернатора, как Тулеев – дельный мужик», и единодушно заявляли: Кемерово – это, прежде всего, уголь и шахты.

В Кемерове Сибирцев с Тулеевым не общался, доступ к телу «хана» для журналиста был ограничен толпой его вельмож, а вот в Москве – надо же, пожалуйста.

Осенью 2007 года в Кремле проходил Госсовет по вопросам физкультуры, и уже обозреватель «Российского спорта» Роман Сибирцев громко приветствовал губернатора в кремлевском коридоре, чем, похоже, изрядно «хана» напугал.

«Хан» вздрогнул от оклика земляка, съежился и неуверенно протянул мощную пятерню для рукопожатия.

В Кремле всемогущий «хан» показался Сибирцеву мелким согбенным вассалом: слушал речь царя, вжав голову в плечи. По-хански он казнил и миловал в Кузбасс-улусе. Другое дело в Москве. Из окон Кремля жизнь видится по-иному, нежели из ханского кабинета Белого дома на Площади Советов в Кемерове.

Роман любил возвращаться в любимый город в любое время года, чтобы повидать родню, напиться теплотой общения с друзьями, попариться в русской баньке и занырнуть в студеную купель возле Суховского озера. Даже в палящий зной вода в источнике была как в Ледовитом океане, только не соленая, а пресная с запахом сероводорода. Хмель и дурные грустные мысли эта живая водица купели гнала быстрее, чем пруттик – кровососов, таежную мошкарку, роящуюся у источника. Затаишь дыхание, перекрестишься – и бултых в купель, раз-два-три. После такой процедуры оживления кожа исцеленного словно покрывалась инеем, и мысли после ныряния становились светлыми, возвращая Сибирцева в детство. Сказочный источник силы для сибирских богатырей, изнемогших от тяжелой ноши грусти.

В далеком сибирском детстве, которое он счастливо провел по уши в любимом футболе на Московском проспекте под приглядом кемеровчанина Сергея Лисютина, будущего тренера звезд российского футбола Алексея Смертина и Александра Головина, Ромка Сибирцев придумал для себя поверье: «Если сегодня морозным утром я увижу на калине красной тройку снегирей – получу пятерку по русскому, если пять снегирей – то забью в ворота СДЮШОР три гола, а если зараз 12 свиристелей с волшебными хохолками на одной ветке, то батя бросит бухать».

Голы исправно залетали в чужие ворота, свиристели летели, как ручные, навстречу Ромке. Однако даже более хитрая

птичья комбинация – «бинго», как модно нынче говорить: пять свиристелей и столько же снегирей на одной калине не меняли взглядов на жизнь отца, бывшего военного летчика, опустившегося с небес из-за своего характера.

«Даже небо не приемлет правдоруков, так, может, надо с правдой заходить повыше...», – много позже рассуждал о судьбе отца Роман, когда через сто лет после Октябрьской революции стало модно на информационных просторах России сквернословить про жизнь в СССР, что, мол, в стране Советов все боялись и молчали.

Сибирцев таких бестолковых ютуб-эскапад юных «вду-дей» страшно не любил. Во-первых, жизнь в стране Советов выпала на его детство и юность, и жилось ему тогда припеваючи от радости. Ведь каждый новый день советского детства дарил ему бесценное богатство новых эмоций.

Поиграли в «войнушку» на стройке с пацанами – красота, смастерили обрез под строительные патроны, да постреляли «маслятами» по пустым консервным банкам – зыко, нарвали вишни в мичуринских садах – вот это блаженство.

Особенно вкусны были ранетки, побитые морозцем, какое там московское эскимо...

А зимний футбол сибирского детства!

Расчистив площадку от снега у трансформаторной будки, из перевернутых качелей ватага пацанов мастерил футбольные ворота и гоняла мяч до умопомрачения. После школы и до позднего вечера. На ногах валенки-пимы или бурки «прощай молодость», красный кожаный мяч в полоску – за девять советских рублей, играй – сколько влезет, даже в самую лютую стужу.

Позднее, уже учась на футболиста в спортивном интернате, Ромка выходил на заснеженную коробку в настоящих кожаных бутсах. Бутсы на морозе за 30 градусов превращались в «испанский сапожок». Та еще инквизиция. Помороженные пальцы ног в тепле начинали ныть так, что юные футболи-

стики лезли на стену от боли, но на следующий день вновь выходили на тренировку.

– Терпеть, не ссать, мужики, играем только до победного, – учил ребят тренер Лисютин.

Когда Ромку в пятом классе исключали из пионеров, после ябедничества заучу Ленки Шамшуриной – влюбленной в него по уши одноклассницы, свиристелки со снегирями куда-то пропали, как не было, а так бы, безусловно, все обошлось без отцовского ремня и долгих маминых слез.

Несмотря на жуткую провинность и постоянные вызовы в школу, мама обожала Ромку, хоть и не демонстрировала открыто свою любовь. Мама внешне всегда была невозмутима, как и ее отец – дед Ромки Сибирцева – красный пулеметчик Данил Иванович Щекарев. За оборону Москвы Данил Щекарев был награжден Орденом Красной звезды. Мама Ромки родилась в 1945 году, через месяц после великой Победы. А дед Ромки вернулся домой после тяжелого ранения в ногу еще в 1944, и когда он ковылял с войны к родной хате по улочкам родного провинциального Искитима, все бабы сбегались на «допрос» фронтовика: «Данил Иванович, а моего ты случайно не видел на фронте, вдруг он еще живой?». Дед до конца жизни никому о войне не рассказывал. Мама Ромки характером вышла в своего отца.

Перед родней спортивными успехами сына мама точно не восторгалась, иначе бы Ромка это запомнил, а что очень его любила, он понял как раз после исключения из пионеров.

Ночью, думая, что средний сын уже спит, она подошла к его кровати, нежно погладила его голову и сказала: «Ромашка-Ромашка, в кого же ты такой упрямый, пусть все у тебя будет хорошо». Ромка тогда не спал, или это слезинка мамы его разбудила....

Ромашка страшно любил Кемерово, маму, футбол, снегирей, свиристелок и городскую не газонную траву. Городская

трава Кемерова была точно такой же, как в сосновом бору в Журавлях, где находился палаточный городок военно-спортивного лагеря «Разведчик»: клевер, подорожник, мать-и-мачеха, горькая полынь. С ума сойти можно от запахов детства.

В Журавлях Ромка пропадал на целое лето, чтобы отвести душу в компании футболистов детского клуба «Заря», надышаться сосновой смолой, наиграться до одури в свой футбол и научиться танцевать модный брейк-данс на танцплощадке лагерьной дискотеки «Изумруд», конечно, чтоб девчонки обратили внимание.

Сибирцев на всю жизнь запомнил, как получил хороших «дюлей» в этом спартанском лагере детского счастья. Соперник был старше на год и не боялся бить по лицу, а Ромка к 11 годам такого опыта еще не имел, но быстро извлек урок из поражения. Поражение было тотальным: сопли, слезы, ягодицы в ожогах крапивой, под глазом громадный синяк.

– Не плачь, пацанчик, будешь корольком, – успокаивал его безногий сторож детского лагеря Ермак, бывший уголовник, так умело вырезавший из сосны снегирей, что зачирикаешь от восторга. Ермак отмотал два срока за грабежи, но завязал с блатной романтикой, потому что устал жить «попугаем в клетке». Интересно, Ермак – это была его кликуха-погоняло, или родное имя?

Попугаем в клетке чувствовал себя в столице и Ромка Сибирцев. Стать своим в Москве, надо сказать, у него получалось плохо, рулить подчиненными ему было неинтересно, он хотел лишь спокойно писать свои заметки, очерки, репортажи.

Это, конечно, было ошибкой, потому как для спокойной работы по душе надо уметь дружить даже с врагами, улыбаться начальству, справляться о его здоровье, поддакивать на планерах стукачам.

Но ипотека в Подмоскowie требует жертв, так он оказался

в «бастионе правды», а тут дикий пожар в родном Кемерове, гибнут его земляки, а тупая дура Светка открыла фонтан «глубоких мыслей». И Сибирцев не сдержал коней.

– Ах ты, Светочка – баобаба веточка, не носи пургу в тайге. Кемерово всегда склоняется, Кемеровская область – это не край, на Кузбасс едут неучи, а кузбассовцы только в Кузбасс. Да что вы знаете о Кузбассе, шишка ты без кедра! – закипел Сибирцев и уехал в Кемерово.

Глава II

ЗАПАХ ТОМИ

После отъезда из Кемерова в Москву каждое возвращение на малую родину Сибирцев воспринимал как подарок судьбы. Прогуливаясь по центру города, выверено, словно по циркулю на ватмане, возведенному в натуральную городскую величину немецкими и японскими военнопленными, он гнал от себя мысль, что Город обиделся на него за предательство.

Однако глазницы песочного цвета домов на улице Весенней и Притомской набережной глядели на него ровно так, как смотрят старожилы в сибирской деревне на незваного гостя, еще и имеющего наглость попросить ключевой водицы. Воды, конечно, дадут, а кружки выбросят, такие устои.

Зачем Сибирцев постоянно приезжал в город, который покинул вместе с единственной дочкой, начав строить гнездо в Подмосковье? Да чтобы утолить дикую жажду общения с насквозь понятными ему людьми и хотя бы на короткое время стать бесшабашным сибиряком, своим для своих. А там хоть бейте, родные старожилы чертовы, все разом кружки оземь.

— Я же свой, свой же я! — орал от восторга дурниной Сибирцев всякий раз, когда судьба дарила ему возможность оказаться на берегу Томи.

— Ты вот скажи мне, москаль, Кемерово — это мужик или баба? — хлебнув горечи из кружки, не унимался друг детства Сибирцева юрист Димка Лужин у вечернего костерка на берегу Томи.

— А почему тебя это так интересует? — удивился Сибирцев.

— Да потому что непонятно, это Кемерово имеет горожан, или мы имеем Кемерово? — напирал Лужин.

— Это — как ты захочешь, Димыч. Скажем, Санкт-Петербург — стоцентный мужик с царственной осанкой, а Москва, конечно, баба на свадьбе, разодетая, нарядная, толстомясая и щеки

в румянах, – попытался Сибирцев придать своим соображениям стройный вид, хотя ранее никогда не задумывался над подобным вопросом. – А Кемерово, наверное – дядька, суровый такой с бородищей, но добрый в душе, вечный каторжанин или бедолага, кто свой срок уже отмотал и живет себе на поселении подальше от столиц и высокого начальства.

– Или все-таки Кемерово – баба? – переспросил Димка.

– Хотя, если летом с утра прибежать на Томь и с первыми лучами солнца занырнуть в реку, то, конечно, женщина, властная – попробуй с такой сладь, с особым своим ароматом бабенка.

– А какой у Томи аромат?

– Так принимайся, Димыч. Томь же свежей спермой пахнет, как невеста после брачной ночи.

Димыч осторожно подошел к воде и жадно принимался.

– Опять ты меня подкальываешь, Сибирча, водорослями она пахнет, ну или тиной, может, еще пескарями, а фенолом, слава Богу, уже не воняет, перестали его сбрасывать в Томь химзаводы, а ты спермой-спермой, нашел дурака, – не сильно обиделся Лужин на розыгрыш друга.

– А ты получше принимайся, – загоготал сибирский «москаль» так, что рябь пошла по воде.

Для Сибирцева Томь была священной рекой, Дунай вместе с Сеной, где он тоже мочил ноженьки, и рядом не текли. Сена – утопленница, захлебнувшаяся в грязи, а живучая выдерга Томь вбирает в себя студёные горные речки Сибири и сама почитай что горная река.

Здесь на Томи Сибирцев в первый раз в жизни удил рыбу. Ведро пескарей за три часа мог поймать на «мутешку» его отец вместе со старшим братом.

«Мутешка» – верный способ сноровистого кемеровчанина вернуться домой с уловом. Заходишь по пояс в воду с удочкой, на леске два крючка, наживка – личинка ручейника. Чтоб

не бегать за наживкой на берег по острым булыжникам, отец Сибирцева из капроновой нитки ладил себе на шею «ожерелье», где вместо кулона – стеклянная банка, которую с огоньком вкручивают в спину больным от простуды.

Мутить камни под ногами рыбаку надо постоянно, быстрое течение мигом уносит грязь, поднятую со дна, эта муть и подманивает пескарей, снующих в поисках закуски.

Омлет с пескарями и грузди в сметане – главные деликатесы детства Ромки Сибирцева. Отец рассказывал ему, что раньше в Томи и нельма перла косяками, да таймень-рыба попадалась в сети, но после того, как химзаводы в Кемерове заработали в полную мощь, и пескарям – почтение. Пескарям с химическим привкусом фенола.

Хорошо, что грибы в кемеровском реликтовом сосновом бору не воняли ацетоном.

Грузди Сибирцевы собирали всей семьей вдоль берега Томи, по два ведра за час, а «подтопольники» тогда не брали, они считались поганками. Ну и напрасно, отличный гриб на вилке в маринованном виде в качестве закусона...

– Так где ж твоя кружка старовера, Димка Лужин? – смеялся у Томи Сибирцев.

– Мне больше нравится сравнение Кемерова с невестой, так ближе к семейному счастью, – поднял тост старинный друг и выпил в одиночку. – Ну, а ты, Сибирча, нашел свое счастье в Москве?

– Какая Москва, я же теперь лобненец из Лобни, лобняк, – попытался отшутиться Роман.

– Хорошо, если не лобок, – ввернул ответную шпильку за «сперму» Димка.

Тридцать лет назад, в 1989 году, они, старшеклассники, также стояли вдвоем на берегу Томи, сговорившись загадать каждый свое желание, чтобы через три десятка лет открыться друг другу: исполнилась ли заветная мечта?

– Ну, колишь, Димыч, исполнилось твое желание? – первым спросил Сибирча.

– В целом – да, а частности ты знаешь.

Сибирцев знал, что эти частности едва не довели успешного юриста Лужина до тюрьмы, «три года условно» – это еще легко отделался за работу на сытном посту в горадминистрации.

– Ну, а как не брать взятки, работая в госструктуре? Не возьму «конверт с баблом», не поделюсь с начальством, так, значит, и работу надо будет другую искать, – делился тревогой с другом Лужин, когда ему «шили» уголовное дело в 2018-м. – В России ведь везде такие правила, хоть в Москве, хоть в Кемерове, хоть в твоей Лобне.

Сибирцев тогда промолчал, сравнив показания друга с жизненной программой другой кемеровчанки, уехавшей в Москву в одно время с Сибирцевым, и прижившейся на столичной почве.

– Любая женщина, по сути своей – проститутка, которая хочет продать себя подороже, – поделилась землячка мыслями с Сибирцевым, когда они неожиданно встретились в Европе на каких-то соревнованиях.

Тогда в Праге Сибирцев подумал, что быть мужиком, наверное, намного лучше, если не надо идти на панель (ну хотя бы не каждое утро!), пока друг детства Димка не рассказал ему про миропорядок современной России и своем месте в нем. Место это было не выше «панели».

– Ну а я, Димыч, вечно в поиске счастья, которого не может не быть! – ляпнул банальщину Сибирцев, не зная точного ответа на простой вопрос: исполнилось ли его желание? Три десятка лет назад Ромка Сибирцев мечтал играть в футбольной сборной Советского Союза, но не вышло, и он двинул в спортивную журналистику.

Утро на Томи и через 30 лет – сказочное время. Скажем, сказка про Гвидона и прекрасную Царевну-Лебедь, она

значит, вся такая Лебедь вот-вот появится, злобный коршун вот-вот нападет, а юный Гвидон весь в белом, ну пусть в мелкую крапинку, то есть, принц Сибирцев, уже натягивает тетиву своего лука. Где тот колчан, набитый остроконечными стрелами, где ты, Царевна-Лебедь, когда кругом парят одни черные коршуны наживы и чистогана...

Однажды в центре Кемерова Сибирцев наблюдал с балкона «сталинки» на улице Весенней возле главного корпуса «политеха» грустную картину: коршун на лету схватил ворона, клювом, как гильотиной, оторвал ему голову и швырнул обезглавленную тушку на асфальт. Ворона, преследовавшая хищника, вмиг отстала и кинулась вниз к распростертому телу суженого. Долго ли она горевала и носила траур по павшему другу?

Кто заплачет по Сибирцеву, потеряй вконец он голову в Москве?

Первая жена Юлька, подарившая ему чудо-дочечку, не станет. Она тонула в тоске по родному Кемерову, когда оказалась в Москве, два года рвалась из столицы обратно в Сибирь, вдохнула там пьянящий воздух Воли, и была накрыта волной расставания с дочерью. Сибирцев приехал на похороны Юльки в Кемерово вместе с дочкой.

Юлька умерла в своей одинокой постели, захлебнулась собственной кровью. Как рассказали соседи Юльки Сибирцеву, сибирская кошка Сонька лежала рядом с хозяйкой, всей своей шерстью впитывая ее кровь, будто бы могла тем самым остановить смертельное кровотечение. Не вышло.

Окровавленную кошку бывшая теща Сибирцева вышвырнула на улицу, не дождавшись приезда Сибирцева на похороны Юльки. Такой тещи не пожелаешь и врагу. Не дождавшись похорон, она вынесла из квартиры дочери все до гвоздя: «Покойной не пригодится, а мне в самый раз ее московская дубленка».

Сибирцев оббегал весь Кировский район, излазил все подвалы.

– Вы не видели трехцветную кошку в крови? – выпытывал Сибирцев у каждого встречного.

Совсем пропала кошка, как и блестящий самогонный аппарат, который в 1991 году Сибирча выменял на ваучер (чек на приватизацию). Уезжая в Москву, он оставил его на балконе кемеровской квартиры, как оказалось, навсегда.

У гроба в Никольской церкви, самого древнего храма в столице Кузбасса, Сибирцев расклеился в ноль, рыдал, как ребенок, просил прощения у Юльки за то, что сорвал с насиженного места любимый цветок, который не смог уже нигде прижиться.

Когда последняя горсть холодной и мокрой от дождя земли придавала могильному холмику окончательный вид, «училка истории» Лилечка Локоть, которая в 1993 году познакомила Сибирцева с будущей женой Юленькой, увела потерянного одноклассника с кладбища и сказала: «Крепись, Ромка, не раскисай, тебе нужно дочь поднимать».

После похорон в кемеровской квартире 15-летняя испуганная и заплаканная дочка Маришка спросила отца: «Папа, может быть, ну ее эту Москву?».

Сибирцев задумался: «Безудержная свобода Кемерова уже утопила Юльку, а что будет с добросердечной и доверчивой дочкой, останься она в силках общения с пьянь-родней своей усопшей мамы?».

После минутного раздумья он резко встал с дивана и сказал: «Ну все, поехали в Москву, а кошку, мы, похоже, потеряли...».

Город Кемерово приучил Сибирцева к потерям дорогих людей, взявших от жизни на грудь больше нужного алкоголя, и в нем захлебнувшихся. Нет, никакая это не анестезия от проблем – яд в чистейшем виде. Эликсир Смерти. Наливай, если торопишься сдохнуть.

Из неразлучной пятерки студентов истфака образца 1999 года живыми остались только Ромка Сибирцев и Лилечка Локоть –

теперь уже завуч кемеровской школы на «Радуге», а Леху Гологольцова, Юльку Гурченко и Глумова Игоря сгубила русская болезнь. Начинается она одинаково – за здоровье, а далее – за упокой.

ЗАГС в Кировском районе Кемерова, где Юлька с Ромкой расписались в голодном 1993 году, к началу века был закрыт, и теперь на его месте Салон похоронных услуг.

– Спасибо, Лилька, что ты еще жива, мой ангел-хранитель, – благодарил пышнотелую подругу, которую искренне называл сестрой, Ромка Сибирцев. Она всегда умела найти самые нужные слова для своего одноклассника, приободрить, успокоить, дать взбучку за избыточное гусарство.

Дочь Сибирцева Марина после похорон больше ни разу не возвращалась на малую родину, а ее отец все не может отказать от этого счастья.

Со второй женой – новокузнецанкой – у Сибирцева не сложилось: Аленушка оказалась слишком возвышенной натурой для заземленного Кузбассом «нового москаля». Жители Новокузнецка и Кемерова, как два полюса планеты, похоже, никогда не сойдутся во взглядах, кто более достоин быть столицей Кузбасса. Кемерово и Новокузнецк – извечная «Война двух вселенных», расположенных в 200 километрах друг от друга.

В Москве несоответствие взглядов на жизнь новокузнецанки Аленушки и кемеровчанина Сибирцева усилил «зеленый змий», прочно обвивший шею Ромки. Подлый и коварный змеёныш!

Доза в «пол-литра» для Ромки становилась разминочной, похмелье душило желания, и сама жизнь в столице казалось еще бессмысленнее, чем перед принятием на грудь беленькой, красенькой, сухонького или вермута для «полировки».

Так Ромка остался в подмосковной квартире один, точнее, с толстеньким котом, носителем славной футбольной фамилии Месси («Месь-Месь-Месь, весь красивый весь» или «Светит Меся, светит ясный»). Дочь Маришка, окончив шко-

лу и институт в столице, вышла замуж по большой любви за москвича-одноклассника и редко видится с отцом, но, слава богу, постоянно звонит «любимому папке», справляется о здоровье и благодарит за то, что тогда, после похорон Юльки, настоял на отъезде в столицу.

Реальную опасность быть насмерть «укушенным змием» Сибирцев миновал усилием воли (спасибо, интернатской закалке), и кризис среднего возраста сошел на нет летом 2018 года вместе с финальным свистком последнего матча футбольного чемпионата мира в Москве.

«Спасайте себя сами, кто сможет», – решил тогда Сибирцев перед финалом Франция – Хорватия.

Хорошо запойный кемеровский товарищ Ромки – ювелир Серега Карпенюч, пять лет отсидевший в тюрьмах СССР за спекуляцию джинсами, давно пытался ему объяснить, что на каждый день пьянки требуются сутки восстановления: «Неделю бухаешь – потом неделю воздух ловишь жабрами».

«Так зачем же тогда в принципе бухать, если столько сил тратить на восстановление?» – пришел Сибирцев к простому выводу, когда ему было уже за 40.

В Москве народ бухает по-другому. Без сибирской удали и размаха. В сибирской кафешке пили как? В мороз, как правило, по полстакана водки...

– Повторим, если ты настоящий мужик?!

– А ты на слабо не бери, ишь, испугал коня овсом...

И так до упада, до песни, до блевоты и зачастую до драки...

Москали в московских забегаловках пьют аккуратненько, стопочками, так же и закусывают – потихонечку, с расстановочкой. Москвичи и парятся в русской общественной бане по-иному, подкидывая на печку воду помаленечку, считай, теми же мелкими стопочками. Не то, что в Сибири – на каменку по полковша, так что «шуба» завернется, тем более – уши шахтера в угольной саже...

В московской рюмочной, той, что на Соколе за церковью у станции метро, Сибирцев после работы пытался пить по-московски, но дома заканчивал пьяное дело, быстро догоняясь по-сибирски, чтобы успеть выспаться перед работой.

— Странно вы пьете, ребята в Москве, — однажды в забега-ловке пристал к столику без стульев Сибирцев, обратившись к завсегдатаям кафешки.

— А как надо, по полбутылки залпом? — подъялдыкнул си-биряка очкастый лысый дядя. — Мы к подвигам не стремимся, а потому почти всегда в одной поре. Нам на работу спешить без надобности.

Очкастого дядю лет 50 все в кафе звали Володя Профес-сор. Но он не был профессором. После защиты кандидатской диссертации москаль Володя уволился из института.

— К чему мне упираться за копейки, если теща оставила квартиру на Соколе, а живу я в родительской на Новослобод-ской? — удивился новоявленный московский собутыльник Сибирчи его вопросу: «Почему ты, лысый хрен, с такими эн-циклопедическими знаниями и не профессор». — Это вы, по-наехавшие, доказывайте, сучите лапками и, может быть, за-работаете на пять квадратных метров в столице, а я сдаю одну квартиру таким, как ты, и мне на жизнь хватает.

После таких слов Сибирцеву так захотелось всецел «Про-фессору» промеж очков, чтобы их стекла вдавились в белки мутных глаз собеседника, ломануть так, чтобы кровища брыз-нула, как сок из спелых ягод калины.

Но за правду не бьют, так учила жизнь Ромку в спортив-ном интернате.

Рискнувший выпить по-сибирски Володя Профессор вы-сказал свою, московскую правду жизни, особенно горькую с похмелья для пришлоного кемеровчанина.

«Выбор, в общем-то, невелик; либо продолжать спиваться в чужом городе, либо рвать задницу и лезть в гору, чтобы мо-

скальские рожи тыкать в их же дерьмо», – вспомнил Сибирцев с утра после попойки разговор с лысым очкариком.

Больше Сибирцев в то кафе не навещался: «Пусть без меня бухают, дворняги столичные, ну а мне что, возвращаться в Сибирь, как побитая собака?»...

Полная завязка – это не подвиг, конечно, но что-то возвышенное в самом факте завязки Сибирцев ощущал.

«Вот Димка Лужин не любит вспоминать о том, как он совершил настоящий подвиг – спас человека, – а мне чем гордиться по большому счету?» – думал Сибирцев, вместе с другом у Томи зажаривая на костре пескарей XXI века.

В 1987 году во время купания на Томи в районе Журавлей трех товарищей по детской футбольной команде «Заря» увлекло течением. Двое из них совершенно не умели плавать, и Димка Лужин – пловец-первостепенник – успел спасти только одного. Утопленника нашли через два дня под Томском, куда его унесло течение беспощадной реки.

Когда Димка добавляет лишку в свою кружку, то начинает выпытывать у Сибирцева: сумел бы их погибший товарищ, навечно 14-летний мастер спорта и член юношеской сборной СССР по пожарно-прикладному спорту, добиться удивительных высот в футболе, покорил бы Москву своей фантастической скоростью бега?

Ответ Сибирцева был всегда один и тот же: «Конечно, да, Димыч, просто Андрюхе Терепичу не повезло». Сибирцев в деталях помнил, как тогда Димка вытаскивал за волосы его самого – испуганного до смерти и едва дышащего Сибирчу, из хищной Томи. Хищной и невыразимо прекрасной.

С каждым годом после распада СССР Кузбасс терял свою природную красоту. Даже до Горной Шории добрались в поисках золота чудовищно зубастые драги, конечно, чтоб сожрать живую природу, перемолоть русла маленьких рек, закусить березками и таежным дерном.

Сибирцев помнил ту, еще не изъеденную красоту Кузбасса – когда-то самого прекрасного места на Земле.

Однажды лет 20 назад Сибирцев вместе с друзьями сплавлялся по горной речке Мрассу по течению на резиновых лодках. Облако бабочек-«капустниц» для любителей дикого отдыха стало триумфальной аркой, соединившей два берега узкой, но быстрой реки. С чем бы сравнить это облако? Может, с залпами конфетти из полосок белой бумаги, только вместо полосок – порхающие белые крылья капустниц.

Горная Шория! Черный журавль и прочая краснокнижная дичь «подкручивала у виска», провожая сплавщиков: как же вас, идиотов двуногих, сюда занесло в самое наше звериное логово, комары, слепни да мошки – вам в штаны! Дуйте, пришельцы, восвойся по-хорошему.

Пытавшийся шутить похожие шутки таймень весом на пять килограммов был пойман на спиннинг друзьями с полным, присолен и съеден без права обжалования приговора. Та же участь ожидала трех серебристых хариусов.

Мрассу тогда подарила Сибирцеву дивную шорскую сказку о том, как местная баба оседлала на плесе 100-килограммового тайменя: «Как рыба ни билась под ловкой наездницей, сдалась через пару часов сибирского родео. Кто же скинет бабу с лошади, если она того не желает?»

– Был бы жеребчик, а сноровистая баба, которая укротит конягу, все одно сыщется, – этот вывод старого сказочника-шорца, пришвартовавшего свой челн к стоянке туристов в надежде выпить огненной воды, так понравился Сибирцеву, что до 47 лет он продолжал гарцевать в поисках настоящей своей второй половинки. Зачем?

Чтобы покорить, примагнитить ее к себе навсегда. Ну, или сдаться, как тот таймень из шорской сказки.

Пора возвращаться в Москву.

Глава III

ЛОБНЯ БЕЗ .УЕТЫ

Удивительно, что несколько веков назад Москва покоряла Сибирь, а теперь в обратном направлении и с противоположной задачей движутся в столицу самые предприимчивые сибиряки. Понятно, что в столице выше зарплаты, круче любые шоу и футбол мастеров премьер-лиги крепче сибирского, тем более в исполнении нет-нет да залетающих в русскую столицу настоящих волшебников кожаного мяча – Неймара, Роналду, Месси.

Но, прежде всего, за лучшей жизнью едет простой люд из Сибири в столицы. Шальные деньги теперь не сильно пахнут Сибирью с каторгой. Однако хоть обнюхай всю Москва-реку вверх и вниз по течению, запаха Томи, тайги и дикой свободы ты не услышишь. Еще в Москве есть Яуза-«менопауза», а не река.

Ну что такое Москва-река для сибиряка? Так, увеличенная копия грязных Чистых прудов с большеротыми ненасытными ротанами, которые сожрут все, могут даже резиновую шину.

Речка Лобненка – вьется ниточкой по подмосковной Лобне. Лобненка – не желтая Мрассу и не стремительная Томь, а так, сонный ручеек для диких уток.

«Лобня без суеты» – так по приказу чиновников написали местные художники на каждой автобусной остановке провинциального городка. Жители Лобни, надо признать, юмора не лишены, даром что половина из них нешуточно понаехали сюда со всей страны.

Изменив в плакатной «суете» первую букву на «х», шутники придумали новый слоган, отменно соответствующий Лобне.

Этот город воинской славы – самое лобное место для героев, здесь фашист ближе всего подобрался к Москве.

Многэтажка, в которой жил Сибирцев, была построена как раз на месте противотанкового рва, рассекавшего не только деревню (теперь микрорайон) Катюшки, но и всю Лобню напополам.

«А если бы, спустившись на лифте времени с девятого этажа 2019 года и выйдя из подъезда, я б очутился на переднем крае обороны столицы в декабре 1941-го, то закрыл бы грудью амбразуру вражеского дзота с криком «Москва за нами, отступать некуда»?» – не раз задавался фантастическим вопросом Сибирцев.

За своих сибиряков – это да, хоть на плаху в любое время каждого столетия, а жертвовать собой во имя кучки олигархов и питерской элиты современной России – этих новых господ, ошарашенных несметными деньгами и всевластием, Сибирча не планировал.

«Норманская теория» была Ромке гораздо понятнее, чем «Питерская», с которой Сибирцев постоянно сталкивался на практике. Он никак не мог понять, по какому такому праву условный комсомолец Ж. из культурной столицы России стал владельцем дворцов и пароходов, а комсомолец Сибирцев, не питая страсти к азартным играм и проявляя чудеса работоспособности, имеет только долги?

На «границе добра и зла», как обозвал Сибирцев противотанковый ров в Катюшках, он никак не мог найти ответ и на следующий вопрос: «Откуда у новых «властелинов мира» из соседнего барака твердая уверенность в своей богоизбранности?».

Фашиста сибирские дивизии отогнали от Москвы, а теперь Белокаменная, проедающая богатства России, с каждым годом все быстрее наступает на Лобню, протягивая к ней щупальца дорог.

Станция наземного метро приблизила Лобню к столице, как солнце – утро. Не за горами тот день, когда Москва погло-

тит ее вместе с Лобненкой и заводом по производству весов, говорят, что самых эталонных в мире.

«Было бы что взвешивать лет через 10, когда эшелоны с российским добром – газом, лесом, углем без остановки все идут и идут из страны во все стороны мира, обогащая только племя «богоизбранных», – думал Сибирцев, провожая взглядом груженные составы на железнодорожных станциях.

С вводом в строй третьей взлетно-посадочной полосы в аэропорту Шереметьево жители Лобни в надежде уснуть теперь считают не ворон, а «Боинги» и прочие самолеты гражданской авиации. Главная воздушная гавань страны все ближе к Лобне, и плюсы для развития города тут очевидны: хочешь – лети из «Шарика» в Париж, хочешь – в Кемерово, а хочешь – любуйся молодыми стюардессами прямо из окна квартиры, если не сдал красоте комнату, чтоб любоваться ее прелестями на расстоянии вытянутой руки.

Лобня – столица пилотов и стюардесс.

Считая по вечерам самолеты, которые могли унести его на крыльях в Кемерово, Сибирцев совершенно бескорыстно придумал точный эпитет Лобне – город-самолет, хотя на лобненском гербе красуется озерная чайка.

По преданию местных жителей, популяция чаек, прилетающих гнездоваться в Лобню на озере Киово, – крупнейшая в Европе.

«Вот бы восхитились этому факту самые черные коршуны Томи и встали бы на крыло до Лобни, как я в свое время», – после переезда в Подмосковье представил Сибирцев, но информацией с сибирскими коршунами не поделился, чтоб не заклевали за обещания светлой околостоличной жизни.

Работа в столице научила его: чтобы заполучить место под солнцем, надо обязательно кого-нибудь сожрать, и громко помалкивать, общаясь с начальством.

Впрочем, вслух в Москве об этом не говорят, в Подмоско-

вье – тем более, это стиль жизни по умолчанию. Политесом лицемеров называл это молчание Сибирцев.

Ему довелось поработать три месяца в администрации Лобни в качестве специалиста по пиару. Кумовство в местном «Белом доме» зашкаливало, жены депутатов горсовета рулили в местном отделении известной партии, их дочери заправляли делами молодежной политики, заместители главы города могли запросто уйти в запой, а глава города Лобня, кажется, смысленный парнишка из бывших школьных учителей, постоянно лавировал меж городскими кланами, дабы никого не обидеть.

Несмотря на лавирование и страх потерять свое место, была у мэра Лобни светлая мечта войти в историю. Что он только для этого ни делал: нырял в прорубь на Крещение, вручал чуть ли не обручальные кольца новобрачным в местном ЗАГСе. Однажды он образцово-показательно пытался тушить «учебный пожар» из огнетушителя и по-настоящему опалил свою шевелюру.

Однако великая слава народная обходила его стороной. Половина лобненцев, работающих в Москве, просто не знали о существовании мэра Лобни.

Построить роддом или прорубить автодорогу на Дмитровское шоссе мэру не удалось и за пять лет руководства муниципалитетом.

Хотя, чтобы войти в историю этого милого городка, мэру было достаточно увековечить память Венечки Ерофеева, который обессмертил Лобню в своей поэме. Помните Венечку: «Я увезу тебя в Лобню, я облеку тебя в пурпур и крученный виссон, я подработаю на телефонных коробках, а ты будешь обонять что-нибудь – лилии, допустим, будешь обонять. По-едем! А она – молча протянула мне шиш»? Хорошо сказал, черт возьми.

Памятник Венечке, конечно, надо ставить у железнодоро-

рожной станции Лобня. А на постаменте золотом слова Ерофеева: «Когда-то очень давно в Лобне у вокзала зарезало поездом человека и непостижимо зарезало: всю его нижнюю половину измололо в мелкие дребезги и расшвыряло по полотну, а верхняя половина, от пояса, осталась как бы живою, и стояла у рельсов, как стоят на постаментах бюсты разной сволочи».

– Установить памятник и немедленно выпить непременно хересу, – как-то в Лобне загадал желание Сибирцев и задумался: «Герой Венечки отправился к любимой в Петушки, я хочу в Кемерово, но, чтобы платить ипотеку в Подмосковье, надо работать в Москве. Какая-то белиберда, но кто сказал, что путь к себе – легкая прогулка».

И Сибирцев уехал в Москву.

Глава IV

ШАХМАТЫ В «РОССПОРТЕ»

Главред «Росспорта» дальневосточник Михаил Скобцев без устали повторял на планерках: «Репутация для журналиста – самое главное». Будь так на самом деле, он не приблизил бы к себе хваткого на интриги Гилю Мольберта. Ровесник Сибирцева Гиля Мольберт при любой власти и политическом строе вырвал бы себе сытное место и сумел бы стать своим в доску парнем для любого начальника.

Методы достижения целей хитроумных царедворцев давно известны: поддакивай, льсти царьку при всяком удобном случае и тщательно стучи на его окружение, создавая вид кипучей деятельности.

«А может быть, крошка Цахес сидит в каждом из нас и лезет наружу в зависимости от жизненных ситуаций?» – размышлял Сибирцев и старался дистанцироваться от Мольберта, хотя эта дистанция отделяла его от «жирных командировок» на Олимпийские игры и чемпионаты мира по футболу – наверное, главной мечты после той, несбывшейся спортивной.

Мольберт подавал главреду списки на командировки, тот их без боя подмахивал. Сибирцев «блистал оперением», когда нужно было решить сложную редакционную задачу, например, привезти яркий репортаж с Северного полюса, добыть интервью со спортсменом, только вернувшимся с того света из комы, или с отцом хоккеиста, который умирал в ожоговом центре после авиакатастрофы.

Сибирцев, конечно, негодовал от такого положения вещей, особенно находясь под градусом. Томь, выходя из берегов, топит все вокруг, и Сибирцев как-то раз высказал коренному москалю из Самары Гиле Мольберту все, что он о нем думает, естественно, со всей прямоотой и сибирским перебором.

Особенно взбесило Сибирчу кадровое решение Мольбер-

та «усилить отдел», который возглавлял Сибирцев, «новой Еленой Вайцеховской». Ею оказалась симпатичная студентка журфака – чемпионка мира по подводному плаванию. Сладохрабный Гиля приглядел ее на каком-то семинаре. Девушка с явными симптомами звездной болезни, к тому же ободренная комплиментами Мольберта, вела себя в отделе не как практикантка, а минимум – первая женщина-космонавт, хотя даже в слове «хрен» делала по две ошибки.

О нежной связи с Мольбертом безграмотная русалка сама проболталась Сибирцеву во время баскетбольного матча, откуда они писали в номер репортаж: «Ах, опять мне Гилечка пишет всякие глупости на телефон, какой же он все-таки забавный».

«Может, стоит рассказать Скобцеву о служебных шашнях Мольберта? – на миг задумался Сибирцев. – Да нет, это зашло».

Главред Скобцев был мудрым человеком. Сибирцев и Мольберт были нужны ему оба, каждый на своей позиции в шахматной партии. Сибирцев таскал каштаны из огня, стал «золотым пером «Росспорта», а Мольберт рулил процессами взаимодействия в коллективе и стучал-стучал. Впрочем, не только он. Один товарищ из руководства футбольного отдела газеты, который ни разу в жизни не ударил ногой по мячу, додумался до того, что тайно записывал свои разговоры с коллегами и делился записями с главредом.

Понять, что разговор с «товарищем» идет под запись, Сибирцеву было несложно: «наседка» пела дифирамбы Скобцеву доказывала, какой главред прекрасный руководитель, а затем задалась вопросом: «Ну чем же тебе не нравится Скобцев?».

Сибирцев легко увел разговор в сторону: «А ты лучше попробуй мое сало, я сам его солил по старинному сибирскому рецепту».

Что в Сибири, что в Москве Ромка относился к стукачам одинаково: «Слизь и гниль».

Сибирцев просил Скобцева отпустить его назад в Сибирь – поработать собкором. Главреда эта перспектива не порадовала: «Кемерово – это даже не город-миллионник, всего 500 тысяч жителей, а большого спорта во всей Сибири меньше, чем в радиусе Садового кольца, ну и где ты там будешь зарабатывать, Роман?».

– Тогда зачем вы пригласили меня на работу, если не даете хода на Олимпийские игры? – честно спросил Скобцева Сибирцев.

– Сам виноват, наладь отношения с Мольбертом, и все будет нормально, – спокойно ответил Скобцев. – Поймешь мою правоту, когда станешь старше.

Скобцев, безусловно, был прав с точки зрения главреда главного спортивного издания страны: подчиненный должен подчиняться. Благо, что сердце спортивного болельщика Скобцева все еще оставалось на родине – в Хабаровске. Главред искренне любил русский хоккей с мячом или бенди, как называют этот вид спорта шведы.

Любил русский хоккей и кемеровчанин Сибирцев.

Это их сближало. Ершистый характер Сибирцева – отдалял.

Скобцев лично приехал на чемпионат мира по русскому хоккею в Кемерово, чтобы пригласить Сибирцева в Москву. Главред ценил сибирского стилиста Сибирцева.

Разговор о переезде состоялся в кемеровском кафе «На старом месте» неподалеку от стадиона «Физик». Пельмени с муксуном и графинчик водочки смазали дело лучше кедрового масла, и Сибирцев сказал: «да».

Когда же сибиряк приехал в Москву, Скобцев от него танцировался. Ничего удивительного. Сибирцев по своей кузбасской привычке за словом в карманы не лез, поцапался

с Мольбертом, и на роль Санчо Панса, проще говоря, денщика императора даже не пытался претендовать.

Мольберт был бесценен, потому что его однокурсник сумел организовать встречу президента Тятина с коллективом редакции к юбилею газеты.

Сибирцев, вероятно, был ценен, как сибирский самородок, которого откопал не кто-нибудь, а сам великий Скобцев.

– Слушай, Роман, не надо в Москве быковать, не быкуй, тебе же хуже будет, – учил Сибирцева лучший, наверное, репортер газеты Сашка Пасынков.

Сибирцев услышал Сашку, но всю глубину этих простых слов осмыслил гораздо позднее. Гордыня застила глаза. Конечно, гордыня и обостренное чувство справедливости. Стучать на товарища запаadlo, не отвечать за базар – запаadlo, бить по морде «крысу» – правое дело. Эти простые истины, глубоко усвоенные за годы жизни в Сибири, были крайне неверными ориентирами на пути к успеху в столице.

Путь Мольберта к этой цели был искуснее, хитрее и правильнее.

Но разве можно всю жизнь прожить штопаным презервативом, дерьмом на палке в серебряной сверкалке?

В Москве – можно, впрочем, не только в столице, – позднее понял Сибирцев.

Скобцев провел свою шахматную партию блистательно, этот виртуоз газетного дела и невероятно креативный журналист 10 лет правил по своим правилам так, что две пятилетки его главредства еще долго будут считать золотым веком «Российского спорта».

Люди, возглавившие это издание после Скобцева, посадили корабль на мель, и это – мягко говоря, без точного сибирского мата.

Теперь Скобцев – заслуженно и по делу – главный редактор главного исторического журнала страны.

«Но, наверное, так же забавно трясется от страха, правя тексты о первых лицах России», – иногда вспоминал об учителе Сибирцев, а про распри с Мольбертом старался забыть навсегда.

Гиля Мольберт приклеился клещом к богатой строительной конторе. Ребята из отдела спортивных игр, который два года возглавлял Сибирцев, нашли себя в пиаре, став руководителями ведущих пресс-служб спортивных федераций страны. Как ни странно, этот «Штрафной отдел» издания с точки зрения Скобцева оказался отличной кузницей службистов отечественного спорта.

Только лет через пять после ухода из газеты Сибирцева «прорубили» слова Скобцева про «репутацию журналиста».

«Репутация – тот же пиар, пузыри вокруг своей персоны, которые надо грамотно уметь раздувать, превознося свое величие с улыбкой на лице, и чтобы ничья тень не заслоняла от Солнца тебя, со всех сторон хорошего с прекрасной репутацией», – сделал для себя вывод Сибирцев.

Про то, что главное для репортера в Москве быть настоящим мужиком, Скобцев молчал, хотя гордился дружбой с великим писателем – капитаном дальнего плавания.

– Ты прекрасный журналист и везде найдешь себе работу, – сказал главред Сибирцеву на прощание. – А работать вместе мы не сможем, потому что ты меня не уважаешь.

Сибирцев только кивнул в ответ, хотя и тогда считал дальневосточника Скобцева своим главным учителем в журналистике, несмотря на то, что «железный дровосек Скобцев» зачастую заранее выписывал диагнозы, определяя для себя (еще до командировки репортера на место событий), кто главный герой журналистского расследования мутного дела, то есть кто виновен, а кто д'Артаньян.

Все-таки, несмотря на волчьи повадки Сибирцева, Скобцев благоволил сибиряку.

– Ты сам главный режиссер и монтажер своей статьи, крути время, как хочешь, начни с прошлого, уйди в будущее, а закончи, например, настоящим. Главное, чтобы читателя зацепила твоя история, ну, а высший пилотаж стилиста – смех сквозь слезы, и наоборот, – эти слова учителя Сибирцев запомнил на всю жизнь.

А вот с приятной репутацией у «нового москаля» Сибирцева пазл не складывался.

Путь его из «Росспорта» лежал сначала в п.зду, а потом в Красную Армию. Как ни странно, с каждым годом в Москве он все более уважительно относился и к своему учителю Скобцеву, и ко многим бывшим своим коллегам, которые сделали газету лучшим спортивным изданием в стране.

Однако после расставания с «Росспортом» Сибирцев гораздо чаще вспоминал не успехи редакции в борьбе за место в рейтингах, а своего много старшего товарища Александра Доброва.

Добров был добрым домовым газеты.

Адреса редакции в Москве за 95 лет истории газеты менялись, Добров казался вечным. Сибирцев прибыл на службу в «Росспорт», когда редакция находилась в домике у синагоги в Большом Спасоглинищевском переулке. Уже тогда 80-летний Добров был аксакалом. Последние два года жизни СанСеич делил рабочий кабинет с Сибирцевым в доме на Старом Петровско-Разумовском проезде.

О любимой Москве Добров мог говорить бесконечно, но заводил этот разговор только тогда, когда об этом просил его «сокамерник из Кемерова».

СанСеич – московский интеллигент довоенного выпуска. Его одноклассниками были будущий актер Александр Ширвиндт и Сергей Хрущев – сын главы советского государства.

– После Великой Отечественной войны Москва была похожа на овдовевшую женщину средних лет, которая утратила

самое дорогое, стала немного неряшливой, непричесанной, но при этом даже в скорби своей она была красива, – рассказывал Сибирцеву Добров. – Потом, в 50-е, Москва ушла с головой в работу, возвращалась к нормальной жизни и расцвела в 60-х, как та яблоня, которая перестала плодоносить, а через несколько лет превратилась в невесту, которую «окольцевал» МКАД.

Во время рассказов о Советской Москве СанСеич прикрывал глаза.

– Когда кольцевую дорогу только отрыли, особым шиком для работяги было совершить кольцо по МКАДУ на такси вместе со своими домочадцами. Таксисты брали «червонец» за такой круиз. Ну, а мой жизненный круиз закончится на Ваганьковском кладбище, мой юный друг.

– Почему на Ваганьковском, СанСеич, оно же элитное, простым смертным туда нет дороги? – удивлялся Сибирцев.

– Не все измеряется деньгами, мой юный писатель, даже в Москве, – тихо усмехнулся Добров. – Мои родственники лежат там, и мне там будет покойно.

Могила СанСеича Доброва – потомственного москвича, какими и представлял их себе Сибирцев, в двухстах метрах от памятника Высоцкому.

Глава V

ТЯТИНА ВИДАЛ

Громким словом, которым в русском народе именуют вагину, Сибирцев называл два года работы в газете «Бизнесмен» олигарха Шера Дусманова.

Интересные командировки «в поля» заменила рутина. Репортажи не с места событий, а с экрана телевизора – годами устоявшаяся традиция журналистов «Бизнесмена». Все острые заметки, которые выходили на страницах этой газеты, были сливами свыше (речь про Кремль). Если случался непредвиденный сбой в отлаженной схеме взаимодействия, ну, скажем, журналисты давали заметки в номер без сверки с главной администрацией страны, то крепко получали по шапке.

Рассуждения в курилке чопорных журналистов «Бизнесмена» о том, что именно это издание – самое лучшее в стране, для Сибирчи звучали смешно, потому что он знал скрытые механизмы успеха издания.

– Чем чаще мы станем выдавать острые статьи, тем больше у нас будет проблем, – объяснял свою трусливую позицию Сибирцеву редактор спортотдела «Бизнесмена» армянин Хорен Балдосян. – И нам придется за слова отвечать – сегодня, завтра и послезавтра, но разве это жизнь, это же постоянная мука и нервотрепка, поэтому сверяем наши новости с телевизором.

– Но разве это журналистика? – как можно спокойнее интересовался Сибирцев. Он ведь учился не быковать в Москве.

– Открой глаза, сынок, а где в России осталась настоящая журналистика? – взорвался седой армянин. – В твоём Кемерове что ли осталась?

Спорить было бессмысленно, главред Скобцев был последним главредом Сибирцева, кто хотя бы пытался быть честным в мелочах, не замахиваясь на борьбу с ветряными мельницами.

– Если по правде, то все мы тут, журналисты «Бизнесмена», находимся в глухой оппозиции к власти, но, сам понимаешь, детей надо кормить, так что не кидай презервативы в замаскированных «белоленточников», – объяснил суть вещей Сибирцеву старожил некогда острого издания Афанасий Кабанов.

Когда сотрудники ФСБ арестовали «сына полка» «Бизнесмена» – журналиста Ивана Граммофонова, обвинив его в измене родине, Сибирцева это совершенно не удивило. Каков потешный полк лицедеев, таков и сын полка. В потешном полку «Бизнесмена» главным журналистом был летописец президента Тятин.

– Да разве это настоящая журналистика – такие заголовки клеить к передовице: «Я Тятин видел», ну, или «Тятин меня видел»? – удивлялся Сибирцев.

Лично сам Сибирцев видал всех вместе взятых начальников жизни далеко и на одном месте.

– А ты Тятин видел? – с невероятным воодушевлением спрашивали Сибирцева сибиряки, когда он прилетал на каникулы в Кемерово.

Сибиряки, в большинстве своем, Тятин любили, как обожали, верно, когда-то и помазанника божьего, и всегда, во все времена, ненавидели вельмож.

Теперь земляки Сибирцева терпеть не могут Москву и жителей «зажравшейся» столицы, будто это главный город и не России вовсе, а какого-нибудь американского штата.

Сибирцев, конечно, Тятин видел. Причем совсем близко.

В Ново-Бондарево Тятин крепко пожал руку сибиряку, а потом и ответил на два его вопроса. Первый звучал так: «Стоит ли ввести в России уголовное наказание за употребление допинга спортсменами?».

Тятин тогда сказал, что не стоит, а через несколько лет, после грандиозных Олимпийских игр в Сочи-2014 и бегства

за границу главного спортивного «химика» страны Родченкова, случился страшный скандал. На следующие Игры россияне ехали с белым флагом капитулянтов.

Но это было потом, и Крым стал нашим после, а в Новобондарево Сибирцев, на полголовы возвышаясь над всесильным государем во время фотосессии, посвященной 90-летию «Росспорта», поймал себя на мысли: «а что если треснуть по уху самого царя, как сильно изменит этот хук ход истории?»

Роман защищал диплом на истафе по мотивам сказаний отечественных историографов о Наполеоне, и роль личности в истории до переезда в Москву сильно его занимала. Однако применить теорию на практике, проще говоря, «валить царя», Сибирцев не стал бы и пытаться.

Во-первых, царя он тогда уважал, ведь тот еще не сильно накосячил, а, значит, и бить такого, нормального с виду русского мужика, на словах радеющего за страну – запахло, не по сибирским это понятиям.

К тому же этот бой, если один на один без опричников, был бы неравным, потому что правую щеку лидера нации украшал огромной флюс, отчего паркетный фотограф развернул главного героя фотосъемки здоровым торцом к объективу.

«Да и не сбить с ног такого крепыша одним ударом, – подумал Роман. – Рукопожатие у царя крепкое, вроде бы жмет руку, и в то же время словно подтягивает к себе, как соперника для последующего броска на татами».

Есть такой приемчик в борцовском мире.

Сибирцева поразил взгляд Тятина: глаза без зрачков, в глазницах безбрежная небесная синь, смотришь в эти глаза, как в чистое небо, где ни туч, ни облачков. В этом взгляде можно утонуть, и концов не найдешь. Многие так и сделали в погоне за властью и миллиардами.

Сибирцева власть и огромные деньжища никогда не прельщали.

– Много ли человеку для жизни надо? – учил его жизни мэтр газеты «Кузбасс» Вадим Мамонтов. – Главное – оставаться собой, ведь твою жизнь, упрямый ты чалдон, никакая сука за тебя не переживет. Читай Бродского, там все про жизнь написано.

Эти слова кемеровчанина крепко запали в душу Сибирцева.

А вот временный сменщик Тятин, тоже из питерских, Сибирцеву совершенно не понравился: недомерок какой-то с пластилиновыми ручками и блуждающей улыбкой.

Сибирцев попросил главреда «Росспорта» на паркетные репортажи его не отправлять: «Скучно и приторно до тошноты, мне бы на волю, в пампасы, подальше от этих пулов».

На элитных заседаниях – госсветах – докладчики говорили правильные слова, радели за судьбы за страны, упирали на патриотизм, а по прошествии лет пяти особо патриотичные особы вдруг оказывались на скамье подсудимых за казнокрадство.

Где бы ни работал затем Сибирцев в Москве, порода урапатриотов не давала ему спокойно дышать. Он мгновенно вычислял представителей ЮЛА, так сокращенно он называл придуманную им партию «Юных Лизателей Ануса».

Членов ЮЛА изрядно народилось в России в XXI веке.

Лет им, как правило, чуть больше 30, то есть это дети, рожденные на финише СССР. В головах членов партии ЮЛА – практически полное отсутствие серьезных профессиональных знаний. Зато они громче всех кричат в строю патриотические лозунги, слаженнее всех поют осанну своему боссу и имеют животную тягу к власти.

Сибирцев прекрасно понимал, что Бог сотворил мир не за год до его рождения, и что Великий Орден Лизоблюдов (ВОЛ) существовал во все времена, но с махровыми представителями его российского филиала ЮЛА лоб в лоб столкнулся именно в Москве.

Модель поведения «лизателей» сибиряк прекрасно изучил. Занимая лакомые должности, члены ЮЛА начинают давать взаимоисключающие приказы, наушничать начальству, орать на подчиненных, всячески демонстрируя свое превосходство даже над теми, кто в 10 раз больше понимает в профессии.

В каждой, Сибирцев был в этом уверен, государственной организации эти члены пытаются рулить процессами. Если представить на секунду, сколько этой бесталанной, но непременно вороватой зубастой саранчи и трутней из ЮЛА пасутся на хлебных и важных должностях в России, то можно только удивляться тому, что нашей стране не пришел полный трындец.

Члены ЮЛА спинным мозгом чувствовали, что Сибирцев раскусил всю агентурную сеть этой организации. Чтобы не пасть в неравной борьбе, сибиряк ушел в себя и минимизировал, насколько это было возможно, общение с ее активистами.

Эта «саранча» начала оккупировать и Кузбасс, когда к власти пришел хан.

Еще и поэтому Сибирцев уехал в Москву.

Глава VI

КОЛБА И ЧЕРЕМША

Первый раз Сибирцев переступил порог редакции в 17 лет, еще учась в спортинтернате. Газета называлась «Ленинский шахтер». С порога юноша ошарашил новостью дежурную по номеру Светлану Борисову: «Я принес статью про футбол, потому что ваши журналисты про спорт ни хрена писать не умеют».

— А почему вы так решили, молодой человек? — подняла огромные очки с глаз удивленная детской правдой звезда местной журналистики.

— Да потому что спорт — это люди, а не результаты матчей, — выпалил Ромка Сибирцев.

— Любопытно, любопытно, — задумалась Светлана Борисова, подперла щеки крупными руками, затянулась «беломоринкой» и начала читать заметку будущего юнкора, написанную от руки на пожелтевших листочках бумаги — *tabula rasa* для желторотых писак 90-х.

За два года сотрудничества с Борисовой Сибирцев стал лучше писать заметки, но все равно пережимал с эмоциями, они бурлили в каждом его тексте, как вода в кружке от самодельного кипяtilьника, чьей основой недолго служили две бритвы «Нева», приспособленные к электрическому шнуру. Такой кипяtilьник, наверное, был в каждой редакции СССР.

Когда Сибирцев закончил спортинтернат в Ленинске-Кузнецком и собрался возвращаться в родной Кемерово, чтобы поступать на истфак и играть в футбол за профессиональный клуб «Кузбасс», Борисова сказала:

— Не туда вы направляетесь, молодой человек, с вашим бурливым даром и охотой к жизни надобно ехать в Москву, иначе талант загубите, так сказать, «во глубине сибирских руд». И еще мой вам совет: не пишите про любовь, пока ее не

испытаете по-настоящему, а когда подрастете, наверняка напишете повесть, ну, а я буду вами гордиться.

Сибирцев уехал в Кемерово, а Светлана Борисова вскоре ушла из жизни, слава Богу, что чуть раньше, чем загнулась свободная журналистика в Кузбассе, возникшая в период шахтерских забастовок 90-х.

О переезде в Москву Сибирцев в детстве не помышлял, для него Кемерово был центром Вселенной.

Судьбы тех, кто поехал поступать в Москву, как алтаец Василий Макарович Шукшин, казались ему не то чтобы вымышленными, а просто сказочными.

Москва была недостижима.

Она, конечно, существовала, о чем свидетельствовали теленовости, звезды Кремля и «Голубой огонек». Телевидение, как бы это ни звучало странно для сегодняшних критиков Советского Союза, работало даже в те времена, и периодические издания во всем своем толстенном обилии успешно доходили до библиотеки спортивного интерната в Ленинске-Кузнецком, где учился Сибирцев.

Но все-таки для 12-летнего Ромки столица была городом из волшебного мира.

Первый раз он приехал в Москву в начале мая 1984 года вместе со своей командой «Заря», почти через четыре года после смерти Владимира Высоцкого.

Поэта Сибирцев боготворил, записывал его стихи в красивый блокнот и даже уговорил тренера поехать на Ваганьковское кладбище.

Ромка Сибирцев отказывался верить в смерть поэта до того момента, пока не возложил две гвоздики к его могиле. «Жираф большой, ему видней» – первая песня Высоцкого, услышанная Ромкой, и она почему-то не выходила из его головы в ту скорбную минуту.

– Почему большому жирафу видней, а все слышат тех, кто

кричит из ветвей? – задавался вопросом Ромка и не находил ответа.

– Может быть, – наивно предполагал он тогда, – чем выше смотровая площадка, тем виднее настоящая жизнь.

Однако и с 27-го этажа новехонькой гостиницы «Измайлово» он не увидел «лисьего хвоста» кемеровского Коксохим-завода, вечно пылающего огонька, «гигантской зажигалки» у самой набережной Томи, «маяка» для редкого мотылька-самолета из Москвы.

Зато Димка Лужин – сосед Сибирцева по гостиничному номеру – сразу разглядел преимущества столичной жизни: «Нет, ты видел, Сибирча, здесь «Пепси-колу» с «Фантой» продают на каждом углу, а как тебе метро, а эскимо такого в Кемерове отродясь не купишь, а зоопарк? – Димка трескал второе эскимо подряд и запивал теплой газировкой из стеклянной бутылки. – Здорово в Москве, чего говорить, начало мая, а тут уже почки набухли на деревьях, а у нас еще снег по колено и лед на Томи.

– Когда я вырасту, то буду жить в Москве, – ни с того ни с сего, вероятно, чтобы возвыситься на вершок в глазах друга, ляпнул Сибирча. – И буду слать тебе эскимо посылками, чтобы ты треснул от счастья.

– Нет, эскимо в посылке растает, шли мне лучше деньги, а я тебе колбу пучками, здесь колбы нет, мне мамка рассказывала, – расхохотался Димка.

Колбы – «медвежьего лука», как называют колбу шорцы, точно в Москве не найти, даже если забраться на Спасскую башню с подзорной трубой, – в этом Сибирцев убедился позднее, когда переехал в столицу.

На столичных рынках всегда можно было отыскать хоть черта лысого, но не колбу. В Москве ее называют черемша. Вялое, надо сказать, название для жгучей травы, напитанной таежными ароматами и холодной росой.

Только однажды в Подмосковье Сибирцев наткнулся на делянку колбы. Она росла на даче сибирского писателя Юрия Демченко, который переехал в Москву из Кузбасса тысячу лет назад и прирос тут, как сибирская колба на его дачном участке.

Колба Демченко была на вкус самой настоящей, сибирской, пахучей и жгучей, лучшей закуской самогона.

Да вот сам хозяин дачи показался Сибирцеву карикатурным стариканом в своем барском халате, а особенно в стремлении подражать Ивану Сергеевичу Тургеневу:

– Ну-с, с чем приехали, милостивый государь?

Не понравилась Сибирцеву вот эта чрезмерность желания Демченко казаться великим гуру писательского цеха, якобы разглядевшего правду жизни во всей ее наготе.

Приняв на грудь, «великий гуру», вероятно, по старой привычке, достал старинную закопчённую стекляшку, через которую в 1964 году сталевары «Запсиба» глядели на первую раскаленную сталь, и стал рассматривать Сибирцева через этот «микроскоп правды». «А-ля Тургенев» привез его из Новокузнецка, где несколько лет проработал корреспондентом на комсомольской стройке.

Что он мог разглядеть в свой «микроскоп» сегодня? Вечно-го странника в поисках себя, репортера от спорта с гордыней выше неба, или уже «нового москаля» – конкурента на роль «великого гуру», которому только предстоит обзавестись атрибутами успеха в столице, уже накопленными Демченко – дачей в Подмосковье и старыми самоварами на пыльных дачных полках.

Старый писатель отчего-то не смог предположить, что через ту же копоть стекляшки Сибирцев мог рассмотреть в опасной для выводов близости самого Демченко и ужаснуться от его дрожащего страха перед сильными мира сего, от вычурного его желания доказать всему миру свое писательское величие тоннами прижизненных изданий, ставшими макулатурой.

– Это правда, что мой земляк Алексей Архипович Леонов – первый человек, шагнувший в открытый космос, бывал на вашей даче и отведал сибирскую колбу? – задал вопрос писателю Демченко Сибирцев для будущего очерка к юбилею «Великого аксакала».

– Ну, пусть будет так, – замялся лукавый старик, чтобы после встречи с Сибирцевым придумать и напечатать красивую сказку о том, как матерый столичный журналюга заставил его продать душу бесу и солгать.

– Что за показушная жизнь, – рассмеялся Сибирцев, когда прочел новый рассказ «великого гуру» про «космическое искушение». – Хорошо, что хоть колба и самогон у Демченко были настоящими.

Такими же, как в Кузбассе.

И Сибирцев уехал в Кемерово.

Глава VII

ШАХТЕРСКИЙ СТРИПТИЗ

Был ли настоящим и искренним до самого предела сам Сибирцев? Тут есть вопросы. Иногда он наступал на горло собственной песне.

Так, во время поступления в кемеровский университет, преподаватель кафедры Отечественной истории Антонина Кривошеева спросила абитуриента после его блестящего ответа на экзамене:

– А где вы работаете, Роман?

– На шахте «Комсомолец», – уверенно ответил Сибирцев.

– Ну, надо же, из шахты к звездам науки, похвально, похвально, молодой человек! – восхитилась пожилая женщина.

Почему именно у Сибирцева она спросила про род его занятий, а остальных абитуриентов не тронула подобными пытками?

Вероятно, наряд Сибирцева на экзамене, точнее, «прикид», как сказали бы в Ленинске-Кузнецком, не свидетельствовал о том, что этому абитуриенту нужна наука в каком-либо виде.

Сибирцев пришел на экзамен стриженный наголо, в кожаной куртке и кроссовках «Адидас», во рту – золотая фикса, а на фаланге безымянного пальца два громадных золотых кольца. А ведь он мог еще напялить на голову меховую кепку из норки, чтоб все было, как полагается у правильного ленинского пацанчика.

– В жизни есть только три вещи, которые всегда будут в цене: золото, кожаная куртка и кроссовки «Адидас», –ставлял Сибирцева в Ленинске-Кузнецком в 1988 году матерый человек по кличке Подкова.

Почему именно Подкова? Сибирцев про это стеснялся спросить у прибалтненного дяди, снизошедшего с воровского Олимпа до дружбы с юными футболистами из интерната.

Сибирцев не соврал преподавателю после экзамена на зна-

ние истории СССР: в тот момент он действительно числился горнорабочим II разряда на той самой шахте Ленинска-Кузнецкого.

Только под землей в забое Сибирцев ни разу не был, а, скажем так, защищал спортивную честь угольного предприятия в матчах первенства Кузбасса, за что получал шахтерскую зарплату.

Об этом факте он умолчал в разговоре с преподавателем.

«Но ведь она и не спрашивала про работу «под землей», — так Сибирча оправдывал свое вроде бы нелживое молчание. — Вот если бы она спросила про жизнь в семейном общежитии шахты «Комсомолец», то тут бы точно не проговорился, иначе старушка упала бы в обморок».

Там в семейном общежитии на угольной шахте «Комсомолец» было много интересного.

...Шалман гулял всю ночь, спирт «Роял» тек рекой. Общага шахты «Комсомолец» в небольшом шахтерском поселке взвалил на себя функции наркопритона, воровской малины и публичного дома — целый комплекс вредных услуг, опасный для здоровья даже 20-летнего футболиста.

Капитан команды «Кена» Драница аккуратно разливал разбавленный спирт по пластиковым стаканчикам в честь футбольной победы над принципиально извечным противником — командой с шахты «Кузнецкой».

На маленьком столике — соленое сало, головка лука и отварная картошка в мундирах. Юный форвард Ромка Сибирцев, едва вступивший во взрослую футбольную жизнь, за рюмкой не тянулся, но все равно получил по рукам.

— Это не еда, а закуска, хватит жрать, сначала выпей, — одернул молодого игрока капитан «Кена».

Спирт пьянил мгновенно, и начинался веселый базар с анекдотами и подколками. Ромке нравилось это пьяное веселье мужского братства, здесь он чувствовал себя на равных со взрослыми мужиками.

– Эээх, наливай, пока не рвет! – воскликнул, как обычно, вратарь Пашка Сатинеев, жажнул полстакана напитка, обжигającego до самых ягодич, и через мгновение галопом побежал к окошку блевать на улицу. В комнатах общежития не было туалетов и душевых (все удобства на первом этаже), и голкипер явно не успевал нейтрализовать стремительную атаку рвотных масс на горло.

– Выпивать без блевотины – это мастерство, Павлик, это тебе не в тюнтюря играть с лопухами из «Кузнецкой»! – как всегда в строку прокомментировал ошибку голкипера самый опытный игрок команды Равиль Галиев, когда-то игравший в команде профессиональных мастеров футбола.

Неопрятного вида девицы над шуткой Равиля заржали за столом, как дикие лошади. Они любили скрашивать неспортивный досуг футболистов, которые для дамочек были инопланетными существами, конечно, по сравнению с горняками, простыми и односложными, как казалось их гуляющим женам.

Но у простых шахтеров были длинные ножи с острыми топорами.

В разгар гулянки футболистов в застольную комнату с криком ввалился горняк-рогоносец и начал махать здоровенным ножом, пытаясь добраться до брюха красавчика Драницы.

Капитан команды, видимо, привыкший за годы в футболе на шахте «Комсомолец» к таким штыковым, не растерялся, схватил подушку и начал ею ловить нож.

Пух из подушки летел во все стороны, падая на плавленный сыр, девки визжали, как резанные, но вскоре нападавший шахтер был обезврежен, усажен за стол и окончательно нейтрализован двумя стаканами спирта...

Наутро горняк-рогоносец, как зомби, вышел на смену, чтобы к вечеру вновь припасть к стакану горькой. Незавидная судьба у горняка – настоящего кормильца олигархов – владельцев шахт и футбольных клубов.

Но пили спирт не все на шахте «Комсомолец». Кто-то сходил с ума и от трезвой жизни в забытом Богом месте.

Мелкий по натуре, которая была еще меньше его роста, старожил общежития по кличке «Сабонис» футболистов не любил, но и не уезжал из общаги в отдельную квартиру, всякий раз отказываясь от ордера на хату. Ему нравилась командовать в общежитии, в отдельной квартире одинокий Сабонис смог бы отдавать приказы только зеркалу и унитазу.

В мужском туалете общаги злобредный Сабонис с семи утра занимал место у единственного на всю общагу рукомойника, и по полчаса, назло всем, мыл хозяйственным мылом сырые куриные яйца. Вероятно, опасался сальмонеллеза. Естественно, у рукомойника создавалась очередь злобных с похмелью шахтеров и футболистов.

– Сабонис, когда ты свои яйца отмоешь? – злилась толпа.

Сабонис в ответ всегда пренебрежительно молчал, за что однажды был жестоко наказан.

Начищенную обувь Сабонис оставлял в общем коридоре у дверей своей комнаты, и защитник футбольной команды Толя Булдашов, который «без шуток не ходил», как-то под утро насрал «центровому» общаги в новенькие кирзовые сапоги.

Безумный крик шагнувшего в говенные кирзачи Сабониса, – горняки подтвердят, – был слышен и в забое шахты «Комсомолец».

Не давал команде скинуть от пьянки ее тренер, местный физкультурник при шахте Макар Сергеев.

– Значит так, сегодня на собрании решим, какое новое название будет у нашей команды, – сказал он однажды. – Шахта «Комсомолец» – это, понятно, география, но нам бы добавить романтизму, лирики, я бы сказал.

Конечно, он обратился за советом по самому точному адресу. Эта команда только на футбольном поле играла так

себе, а в третьем тайме за столом в общаге ей не было равных в пьяных экспромтах. Куда там квелый на шутки КВН.

– А давай назовем команду «Пенелопа»! – предложил Равиль Галиев.

– А почему «Пенелопа»? – удивился капитан «Кена».

– Да потому что все равно играет, как жопа, – заржал ветеран, а за ним вся спитая ватага футболистов.

Эта идею с «Пенелопой» тренер отринул сразу, а после минутной паузы сам нащупал верное название своей команде «алкоголиков и тунеядцев»: «Да вы ее хоть на три буквы назовите, лишь бы директор шахты нам зарплату платил».

С деньгами в начале 90-х на шахте было трудно. Их платили с задержками, а в зарплатный день, чтобы пробиться к зарешеченному окошку кассы бухгалтерии, битва между шахтерами шла такая же ожесточенная, как верно, на поле Куликовом у Пересвета с Челубеем.

Футболисты в битве за бабки совершенно не уступали настоящим шахтерам. Еще бы, высокий командный дух в зарплатный день был на самой запредельной высоте. Вот бы и на футбольном поле так бились за шахту-кормилицу...

Брали кассу футболисты всей командой «ромбом» – отсекая подходы к ней простых работяг.

Ромка Сибирцев с зарплатой в 300 рублей в то время закрутил минутный роман с женой шахтера – гитариста Виталика Петрова. До четырех утра читал ей Высоцкого, а она сказала: «Не надо стихов, скоро муж проснется, давай займемся делом».

На следующее утро на пороге комнаты появился ревнивый муж и врезал Ромке так, что две недели правый глаз лучшего бомбардира «Комсомолки» не хотел открываться. На футбольной результативности Сибирчи это никак не сказалось, его противник долго лечил свое увечье, полученное в ответ. В тот момент Сибирцев понял, что до добра такая жизнь в шахтерском поселке не доведет.

«Пора сваливать в Кемерово и ну его, подземный стаж», – решил он.

На отходной вечеринке товарищ и ровесник Сибирчи – шутник на грани фола Сашка Жданов устроил горняцкий стриптиз: надел на голову белую шахтерскую каску, естественно, с фонариком, и заглянул в комнату спящей горнячки.

Подойдя к даме в темноте, Ждан снял с себя штаны, включил фонарь и с криком: «А ты такого видала?» направил его луч на свой могучий «прибор».

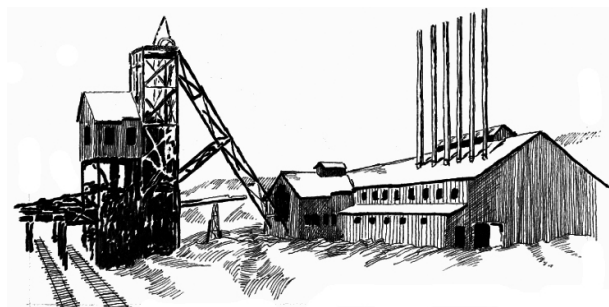
Такого не увидит горнячка даже в белой горячке.

Через год после прощальной вечеринки Сибирцева в общежитии шахты «Комсомолец» его бывшая «случница» вновь наставила мужу рога.

Спиливать их он не стал, без лишних разговоров взял топор и зарубил насмерть нового ухажера жены...

Прощай, Ленинск-Кузнецкий, прощай шахта «Комсомолец». Сибирцев вас никогда не забудет.

Здравствуй, Кемерово!

Глава VIII

ГУСЬ ВОЛЬНОДУМСТВА С ЧЕРНОСЛИВОМ

Свобода слова в Кемерове, ожившая во времена горбачевской гласности и ельцинского пьяного угара, умирала недолго, лет семь-восемь. Загибаться в бараний рог она стала с приходом «хана» к безграничной власти, когда он затеял передел собственности на крупнейших предприятиях Кузбасса, чтобы наполнять средствами правильные, на его взгляд, социальные фонды.

Главная областная газета, кормящаяся из корыта бюджета, быстро взяла под козырек и с приходом каждого нового главного редактора прогибалась перед «ханом» все ниже и ниже, пока не уткнулась лицом в зону паха, и превратилась в безропотного слугу, «принеси-подай», ну а как еще можно объяснить ежедневное утверждение каждой газетной заметки в пресс-службе областной администрации?

Сначала новостную повестку главной областной газеты утверждал сам «хан», а когда ему надоело, отдал это дело на откуп мелким клеркам своей пресс-службы.

А хребет вольнодумства в Кузбассе – газету «Кузнецкий драйв» – «хан» сломал деньгами. Новый собственник самого крупного завода в Кузбассе по приказу «хана» скупил акции газеты по сходной цене, и главный редактор издания Виктор Баранов, лишившийся работы, вместе с группой товарищей создал оппозиционную газету «Драйв».

Доходило до смешного, одни и те же журналисты по зову сердца и совести писали заметки в оппозиционный «Драйв», а за презренный металл продавали рукописи в «политически правильный» «Кузнецкий драйв». Сибирцев не осуждал тех, кто бескорыстно любил гонорар, ведь каждый выживает по-своему.

Когда борец за правду Виктор Баранов сгорел от рака, «Драйв» почил в бозе, а вместе с ним испустило дух и все

журналистское вольнодумство в Кузбассе. Кажется, это был 2006 год?

Молодой и задорный Роман Сибирцев на баррикады борьбы за свободу не лез, он просто пил, как водится, водочку со своим закадычным другом Сережкой Бунтаренко в кабинете еще не опального главреда «Куздрайва» Баранова.

Сережка тогда работал у Баранова заместителем, а Сибирцев писал спортивные заметки.

Как ни крути, а к водке полагается закуска. Она нашлась в морозилке холодильника главреда – заиндевелый гусь, напшигованный черносливом. Как взять с наскака такую важную птицу и без ножа, чтобы отправить ее по точному адресу в микроволновку? Друзья, вооружившись напильником, управились за два часа.

– Нет, ты погляди, каков гусь, – чертыхался Бунтаренко, отпиливая, или, точнее сказать, зачищая шею жирной птичке ото льда. – Вот так же скоро зачистят свободу слова в России большим напильником, начнут с Кузбасса, чтоб шахтеры не стучали касками.

Серега, безусловно, был человеком широких взглядов и обладал даром предвидения, он, наверное, первый человек в истории отечественной журналистики, кто не только вписал в статью то самое слово из трех букв, тут доблести немного, но и опубликовал ее в своей заметке в «Кузнецком драйве».

По его мнению, именно это слово, и только оно, могло передать всю гамму эмоций автора заметки про положение дел в стране и в Кузбассе, в частности.

Сереге в газете объявили выговор, но на том дело и кончилось. В «Кузнецком драйве» все его любили, как сына полка. Сибирча в шутку называл ровесника и друга «беспризорником духа».

– А если, скажем, для точной передачи гаммы эмоций придется и «хана» пристегнуть к твоему «бую», мой маленький

творец фаллических надежд слабой половины населения Кузбасса? – травил друга Сибирцев.

– Значит, придется пристегивать, ибо творец не должен быть ограничен формами, иначе пострадает содержание не только текста, но и человека свободного, – куражился Серега. – Вот ты вынь чернослив из гуся, и какая в нем останется романтика, томление духа, загадка и аромат любви? Правильно, только кожа да кости.

Вероятно, чтобы Серега и иже с ним не распоясались вконец, «хан» пристегнул к собственному «бую» всю кузбасскую журналистику.

Сибирцеву в роли спортивного журналиста было удобно. Поначалу, через пару лет спортивного репортерства, он пытался сбросить с себя шкуру, искал себя в разных жанрах, но родная спортивная тематика всегда приходила за ним и призывала на службу.

Репутация спортивного журналиста не тяготила Сибирцева, во-первых, эта нива, если не пытаться найти на ней проблем, была хлебной, пусть не самой популярной, но нужной любой кузбасской газете. А в-главных, не сталкивала в лобовую с представителями власти, которых Сибирцев с детства жуть как не любил, вероятно, не мог простить «властям» изъятия пионерского галстука.

Когда был продан «Кузнецкий драйв», два года Сибирцев вместе с Сережкой поработали на маленьком кемеровском телевидении с чудным названием NTSC. Там оба поймали кайф от работы в эфире и ощутили нескромное обаяние маленькой провинциальной славы.

С известными молодыми людьми – «ой, я вас видела по телевизору» – юные кемеровские красавицы (а молодые все красивые, – не уставал повторять Сережка) охотнее шли «на раут с водкой» в дешевое кафе «Аллегро».

– Хотите, я покажу вам линотип? – интеллигентно предлагал девчатам «душевный секс» захмелевший Сережка.

Большинство из приглашенных соглашались, если, конечно, Сибирцев во хмелю не убивал весь внешний романтизм предстоящих свиданий коронной фразой: «А вы сначала покажите свои груди!».

За пять лет донжуанства друзей на улице Весенней только одна «куница» (по типологии друзей – ловкая женщина лет 30) откликнулась на предложение Сибирцева.

Прямо у Главпочтамта возле городской администрации она выкатила из тугой синенькой кофточкой шикарную грудь с розовыми, торчащими в разные стороны сосками. Один сосок указывал на памятник Ленину на Площади Советов, другой – на памятник Пушкину на набережной Томи. Звали ее Ленка. Брызги фонтана у Драмтеатра, наверное, до сих пор стыдятся их нежных шалостей под полной луной. С Сибирцевым Ленка ладила три года, а потом нашла себе дальнобойщика, ведь Сибирцев разводиться не собирался, он обожал свою дочь.

Однажды вечером Бунтаренок так распоясался от выпитой цистерны кемеровского пива, что показал свой «буй» не только Дому кино «Москва», но и ментам, дежурившим в центре города. За что был схвачен и препровожден в милицкий участок на улице Кирова.

Сергеа кричал сонным «жандармам»: «Отпустите, навуходоносоры, сатрапы и хриstopродавцы, свободу слова вам не задушить, не то повешусь на собственном мохеровом шарфе». Была все-таки у Сереги внутренняя тяга к внешним эффектам, рвавшаяся наружу вместе с пивом.

А вот Сибирцев телевидение разлюбил. Любой мужик с микрофоном на экране казался ему не в меру манерным, и сам он стал замечать за собой, как стала меняться его натура. Жить с зеркалом в руке и даже спать с ним Сибирцеву не улыбалось.

Через год работы в «ящике» Сибирцев почувствовал себя Человеком-Репой.

Этот персонаж в Кемерове был хорошо известен на стыке веков тем, что не только выращивал на своем огороде гигантские репы, но и кушал исключительно лишь пареную репу, не мыл и не стриг волосы на голове, чтобы она – башка его неразумная – превратилась в подобие грязно-желтой репы с хвостиком.

Тут бы и пожалуйста, рядись хоть в редиску, лишь бы человеку было радостно.

Но черт всегда найдет слабинку даже в трудолюбивом садовом.

Человек-Репка поймал вирус тщеславия, когда свои рекордные репы начал таскать по местным редакциям, чтоб непременно о нем написали в газете, еще лучше – показали по телевизору. Его история закончилась печально. В городской администрации кто-то придумал в рамках очередного громкого проекта запечатлеть в памяти горожан Человека-Репу. Так его портрет во весь рост и под стеклом появился на автобусной остановке у Драмтеатра.

Портрет получился удачным и поглотил его героя. К себе, то есть к портрету, Человек-Репка приходил, как на работу, и с восьми утра до ночи нес вахту, объясняя прохожим, что вот он я, тот самый человек на портрете.

Тотемный овощ увял на огороде Человека-Репы, засох и больше не взмог, потому что огородник был занят более важным делом – возвращением собственной репутации до гигантских размеров. Дошло до того, что несчастный стал бегать за каждым автобусом и кричать в открытые двери «Икаруса»: «Смотрите, это же я, Человек-Репка с портрета!».

Такого жизненного «триумфа» Сибирцев не пожелал бы и врагу и быстренько вернулся из телевизора в газету, хорошо запомнив и фразу Ленки-хулиганки: «Чем выше макака на пальме, тем виднее ее задница»...

А самой любимой редакцией Сибирчи в Кемерове была

«контора» молодежно-развлекательной газеты «Стойбой» на Кузнецком проспекте. Там кипела жизнь во всех ее водоворотах, была ключом, пьянила до изнеможения, даже невзирая на самые все и невозможные предпочтения «Стойбойцев».

— Главное в любви — это любовь, — любил повторять главный редактор этого издания, философ по образованию Лев Фонарев.

— Да лишь бы человеку нравилось, мой дорогой Лев, — вторил другу Сибирцев и любил баб. Они его тоже.

«Стойбой» была первой кемеровской газетой, куда Сибирча принес свои заметки про спорт после возвращения из Ленинска-Кузнецкого. И Лев Фонарев, надо прямо сказать, выдал Сибирцеву путевку в кемеровскую журналистику.

О переезде в Москву и мыслей не было в голове Сибирчи, когда жизнь улыбается тебе во все 32 зуба: работа — есть, деньги — платят, живи и радуйся.

К тому же пример Кости Безмятежного — главной звезды «Стойбой» — говорил о том, что лучше быть первым парнем на деревне, чем безымянным героем в столице, которую Костик когда-то решил покорить, но быстренько вернулся восвояси — звездить в деревне, как столичный ухарь.

При упоминании названия «Стойбой» старые журналисты «официальных» кузбасских газет морщились, будто бы вместо дежурных 100 грамм водки в буфете «Дома правды» на Октябрьском проспекте, 28, им подавали стопку уксуса.

Мэтрам не нравилась нестандартная подача материалов в молодежном издании.

Например, как вам заголовок «Кактус в анус!»? Ну не шедевр, конечно, зато не без смешинки. Вот тут-то мэтры кузбасской журналисты и возмущались, и брызгали слюной от праведного гнева, а Сибирцев, напротив, хохотал до слез, представив пуританина и ретрограда, прошедшего подобную процедуру очищения.

С теплотой и с любовью вспоминал Сибирцев друзей и подружек из «молодежки». «Всегда «Стойбой», мои дорогие», – слал каждый год сообщения из Москвы Сибирцев друзьям, поздравляя коллег с годовщиной газеты.

Но и она умерла, когда Льва Фонарева попросили на выход из своего же питомника юных хищников пера.

На ладан дышит теперь и футбольная команда кузбасских журналистов «Гонорар-82», когда-то играючи бросавшая спортивный вызов артистам «Ленкома».

«Гонорар-82», похоже, совсем умрет без нового набора борзых репортеров, как и сгорит без должного присмотра и Антиповка – поселок из дачных домиков в Журавлях – задуманная как «таежный Коктебель» для местных щук пера и микрофона. Ну, или «наше Переделкино», кому как нравится.

Для Сибирцева Антиповка угасла после смерти кузбасского барда Женьки Началина, сгоревшего от той же страсти, что и Высоцкий.

Наверное, застывшая смола антиповских сосен впитала в себя на века звуки живых песен в исполнении Женьки – редкого балагура и весельчака. Талант его в рамки не влезал. Он, играя на гитаре, за пять минут мог придумать отменную музыку к стихам, скажем, Мандельштама...

За год до ухода из жизни певца и композитора Сибирцев прислал ему свои стихи для песни про ЦДКА. Слова там были и такие:

*Апостол старый Петр, тот, кто хранит врата,
У входа в рай однажды спросил у вратаря:
«Ты за кого играл, вратарь, и сколько пропустил?
За ЦДКА? Не пропускал?». И миг врата открыл.*

Женька с блеском выполнил творческую задачу, не только придумав музыку, но и гениально исполнив песню, при этом

не взяв за работу ни копейки: «Моряк на суше не дешевка, с друзей я денег не беру».

Началин для друзей всегда играл от души и яростно ненавидел холопства. Без Женьки в Антиповке мертвецкая тишина. Журналистов там теперь живет все меньше. Говорливые старожилы Антиповки – самые зубастые и клыкастые журы Кузбасса, те, кто не смог вписаться в новостной формат «принеси-подай» – подались на заработки в другие регионы страны.

Уезжали, пожалуй, самые яркие. А «серые мыши» прописались в теплых коридорах, прошлись по головам, зализав задницу и затуманив лестью мозги старому «хану». Самые отъявленные негодяи из этих лизоблюдов поднимались все выше по протекции «хана», даже до уровня депутатов Госдумы. Депутатское кресло – мечта любого члена партии ЮЛА.

Теперь студенты журфака местного университета по большей части идут в профессию без пафоса Данко (какая к черту свобода слова), а чтобы получить теплое место в какой-нибудь пресс-службе промышленного холдинга с названием из трех букв. Ныне этот холдинг формирует новостную повестку кузбасских СМИ, черпая кадры для руководства редакциями из представителей партии ЮЛА.

Когда закрыли телевизионную компанию NTSC, Серега отправился в Новосибирск пахать на местном телевидении. Бунтаренко не станет совать голову в микроволновку, чтобы ароматы его внутреннего «чернослива» опьянили окружающий мир, однако «линотип» старого холостяка Бунтаренко везде имеет устойчивый спрос.

«Лишь бы не превратился в Человека-Репу», – часто в Москве думал о сибирском друге Сибирцев.

Не превратился. Из Новосиба Бунтаренко вообще рванул на остров Сахалин.

Была и другая крайность журналистской реакции в Кемерове на приход эпохи «принеси-подай».

Близкий друг Бунтаренко и Сибирцева, одаренный писательскими талантами ответсек областной газеты Андрей Принцев взял и «опустил паруса» своего ялика «Инакомыслие».

Можно, конечно, сказать, «спрятал голову, как страус в песок», смирившись с существующим положением вещей, но он платил ипотеку в Кемерове, как и Сибирцев в Лобне, и имел право на снисхождение.

Внутренний протест свободолюбивого Принцева выразился странным образом.

Он не стал осваивать гаджеты и категорически отказался заводить аккаунты в соцсетях, тем самым лишая себя удовольствия общения в онлайн-режиме с друзьями.

– Так и до Агафьи Лыковой недалеко, – поддел как-то Принцева мастер колкостей Бунтаренко.

Но шутка не выстрелила, во-первых, до заимки Агафьи Лыковой на вертолете из Кемерова было не шибко далеко, к тому же хакасская отшельница с удовольствием принимала подношения «хана».

Принцев остановил свое время и счастливо проживал в нем, сплотив вокруг себя спитый круг самых близких друзей, изредка выплескивая свои невеселые мысли на страницах своих печальных романов.

Сибирцев не мог определить, когда решительный, как пушкинский Сильвио, его друг Андрей Принц превратился в рассудительного и осторожного питона Каа...

– Впрочем, наверное, это только для окружающих внезапны такие метаморфозы характеров. Особенно, если ты видишься с другом раз в год, – пытался найти объяснение Сибирцев уходу Принца в себя.

Когда они только познакомились в 1997 году, Андрей Принцев был в полете.

Старший товарищ Сибирцева тогда с легкостью менял работы, едва только чувствовал минимальные «происки

Несправедливости» в редакции, и с присущим ему изяществом и благородством влюблял в себя самых красивых женщин Кемерова.

Что для Сибирцева было особенно удивительным, – оставленные Принцем дамы, верно, до сих пор машут своему Герою белыми платочками, украдкой утирая слезки.

– Ну, так еще бы, кто лучше Принца дамам на ночь прочитает стихи «короля поэтов» Северянина, – подшучивал над редким даром друга «нежно обольщать» Сережка Бунтаренко.

– Дамам завсегда виднее, какого скакуна вести в денник, – в ответ махал рукой Сибирцев, никогда не пытавшийся разобратся в душевных переживаниях женщин – из-за бесплодности данного занятия.

А Принцев, как обычно, многозначительно промолчал.

Логика самки – продолжить свой род, защитить и прокормить детеныша – Сибирцеву была понятна, а все сложные душевные переживания дамочек казались ему ничемным многоэтажным нагромождением на эту основу и вызывали тоску.

Филолог и футболист Андрей Принцев в 90-е был «первый кемеровский старина Хэм» от Кировского района до самого Бульвара Строителей – стильный, эстетствующий бонвиван в джинсовом костюме цвета неба.

Бунтаренко и Сибирцев даже пытались равняться на старшего товарища.

Андрей был удивительно щедр. Когда Сибирцеву не хватало денег на первую свою кемеровскую квартиру, Принц с легкостью занял нужную сумму. Типичный королевский жест широкой души Принцева.

Равнение на Принца закончилось, когда Бунтаренко с Сибирцевым покинули Кемерово.

По дружбе Принцев категорически советовал Сибирцеву лететь на работу в Москву.

– Ну, выиграешь ты 10 раз подряд областной конкурс

спортивных журналистов, но разве это гамбургский счет? – спросил Принцев друга.

– И что, прощай Ольжерас? – пошутил Сибирцев.

На кодовом языке трех друзей командировка в Ольжерас (речка в Кузбассе) означала легкий адюльтер.

– Ольжерас навсегда останется в наших сердцах, – грустно, с большим знанием дела произнес старина Принцев.

Ялик Принцева, не подавая позывных в соцсетях, ледоколом встал в Кемерове, а накануне своего отъезда в Энск Бунтаренко взял с Сибирчи подписку в том, что не позднее 2007 года и он, Сибирцев, переедет из Кузбасса в город-миллионник.

Роман с легкостью подмахнул «документ».

«Не кровью же подписал приговор», – подумал он тогда и уехал в Москву.

Глава IX

БЕЙ ПЕРВЫМ, СИБИРЧА!

Напившись водочки с ликером на банкете в честь годовщины «самой деловой газеты страны», прямо там под банкетным шатром на «Соколе» Сибирцев сунул в ухо редакционному стукачу из интернет-отдела и пошел в Красную Армию – писарем в главный военно-спортивный клуб страны. Туда, где проходят военную службу спортивные звезды России, ровно по той же схеме, как когда-то сам Сибирча «зарабатывал» подземный стаж на шахте.

Получить по мордам в ответ Сибирцев не боялся. «Получил – терпи, но не трусь, трусов всегда добивают». Эту нехитрую формулу успеха в бою объяснил Сибирче кемеровский друг – Вовка Кроха, с которым они играли за футбольный «Кузбасс».

Тот «Кузбасс» под руководством Бориса Рыжова рвался в первую лигу российского футбола, дважды останавливаясь в шаге от заветной цели. Бывший вратарь кемеровского клуба Борис Рыжов собрал хорошую бригаду молодых местных игроков, куда входил и Сибирцев, чтобы на следующий год наверняка решить поставленную цель. Не вышло.

Кто-то из завистников тренера напел главе города, что Рыжов не чист на руку. Тренера сняли с работы, бригаду талантов распустили, вот с того момента и захирел футбольный «Кузбасс» – некогда гроза столичных клубов. А на Рыжова, как выяснилось через годы, возвели напраслину. Бабник – да, пизон – тоже да, но не казнокрад.

Сибирцев очень уважал Рыжова. В бытность свою игроком Рыжему довелось два года поиграть в московском «Спартаке», пусть не на первых ролях, но тем не менее, такие приглашения свидетельствуют об уровне мастерства любого провинциального футболиста. И за приглашение в «Кузбасс» Сибирцев

ему был благодарен, потому что после пары сезонов за столом на шахте «Комсомолец» вновь сумел поймать игровой тонус. Сибирцеву было жаль не только уволенного тренера Рыжова. Не хотелось завязывать с большим футболом в 23 года. Но время пришло. Новая метла в ФК «Кузбасс» мела по-новому, да так, что начисто вымела из города большой футбол. Давно нет уж в Кемерове футбольной команды мастеров.

– Ладно, я, привыкший к отчислениям из команд, но как же можно было убрать из команды Сережку Попа, это ж на 200 процентов будущий Ринат Дасаев, – недоумевал Сибирцев в декабре 1995 года.

Тем не менее, Сибирцев с любовью и теплотой вспоминал жизнь в футбольном «Кузбассе». Любопытно, что и неприязнь к москвичам в душе Сибирчи начала зарождаться в провинциальной команде мастеров.

На тренировочных сборах в Болгарии как глупую шутку он воспринял слова одноклубника Пашки Сударикова. Коренного москвича Пашку пригласили в «Кузбасс» из столичного «Торпедо» в межсезонье, и он быстро дал понять своим новым одноклубникам, что между ними огромная пропасть.

Болгарские девчата спросили у москаля Сударикова на Золотых Песках: «Откуда приехала на сборы ваша команда, ребята?»

Пашка небрежно ответил: «Я из Москвы, а эти – из Кемерова». Вот так он «пошутил».

Услышал бы это Вовка Кроха, он без раздумий дал бы Пашке по мордам. Кроха был стержнем всех команд, которые тренировал Рыжов.

Конечно, обязательно надо рассказать о Крохе. Вовка Кроха – двухметровый гигант, человек слова и дела, родился и вырос в Кировском, самом уркаганском районе Кемерова, в доме у «пятака» на Инициативной. Кто не знает, десять лет своего послевоенного детства отдал этому району и будущий космонавт Алексей Леонов.

«А если бы Леонов не покинул вовремя Кировский район, то и первым в открытый космос шагнул бы кто-то другой?» – размышлял Сибирча, мимолетно сравнивая жизненный путь космонавта с дорогами судьбы его земляка Вовки Крохи, навечно припаянного к родному Кировскому.

Старший брат Крохи был в том районе «положенцем», пока не пал, зарубленный топором, в лютой заварушке, а Вовка по блатной теме не соскользнул в пропасть, он выбрал футбольную стезю. Закончив играть, он теперь директор стадиона «Кировец», естественно, в родном ему районе. Степенный и знающий цену словам Володя Кроха в Кемерове везде на своем месте, даже в деревне Силино, куда он решил переехать встречать собачью старость. Так он шутил про свой деревенский выбор.

– Бей первым, Сибирча, особенно когда ты один против кодлы, прущей буром, – учил Сибирцева Кроха. – Получишь в глаз – плохо, но оклемаешься, если не затопчут. Куда гаже, когда по мусалу схлопотал и в драку ввязаться струхнул, сожрешь потом себя за трусость.

Сибирча всегда внимал простым советам Крохи.

Если рисовать картину или лепить статую образцового, эталонного, на взгляд Сибирцева, кемеровчанина, то им должен быть Вовка Кроха, – отзывчивый, прямой, добрый, но с крепкими кулаками. Он мог вдарить супостату так, что тот свечкой взлетал в воздух и делал сальто, прежде чем обмякнуть в горизонтальном положении. Вовка соперников никогда не добивал – это запаadlo, лежащих в «крохином» советском детстве не били.

– Вовка, ну вот откуда у футболиста такой удивительный апперкот? – всегда завидовал удару Крохи Роман, особенно когда тот вытаскивал Сибирцева из разных заварушек.

– Уроки жизни Кировского района, – отшучивался Кроха. – Учись, студент, пока дяденька живой.

Вовка – это сама мужская Дружба в лучших своих проявлениях. Товарищ детства Крохи, который не общался с Вовкой 20 лет – «их бабы поссорились», попал в тюрьму. Конечно, забыв про давние обиды, Кроха пришел на помощь, к своим головным болям добавив проблемы товарища за решеткой. Товарищ оставил на воле жену с грудным ребенком, кучу долгов и убитый автомобиль. Вовка безропотно возит передачи на зону, потому что своих в беде не бросают. Дай бог тебе, Вовка, здоровья.

– Вот интересно, – размышлял Сибирцев. – Окажись Кроха на моем месте в Красной Армии, через какое время закипел бы от чванства и беспредельного хамства начальства в погонах, разворовавшего все казенное имущество – от спортивной формы до последнего фотоаппарата?

Два года работая в ЦДКА под руководством членов партии ЮЛА, Сибирцев совсем было разочаровался в существующих порядках на шестой части суши. Но, вероятно, не все еще было потеряно для страны.

В 2018 году начальник клуба ЦДКА полковник Михаил Опарышев сначала был переведен на вышестоящую должность, приобрел себе генеральские погоны в счастливом ожидании нового звания, а потом – бац, был задержан и препровожден за решетку. Прощай, мечта, о генеральских лампасах, бесконечные поездки за границу на частном самолете за госсчет и деньги рекой, выделенные военным ведомством на проведение Всемирных военных игр.

Сибирцев не мог не злорадствовать, вспоминая хамство руководства клуба: «Проворовался – милости просим, Миша Опарыш, в клетку, с прозвищем вас, товарищ бывший полковник, а не с новым званием. И не надо бегать от конвойных в СИЗО, а то получите еще одну статью за попытку побега. Даже патронов на вас жалко и на ваших любовниц-секретарш по вызову».

Когда банду Опарыша повязали, все как один его подельники стали стучать на своего «пахана», как дятлы. И сам Опарыш, проведя год в СИЗО, начал доносить на вышестоящих военных с большими звездами.

«Вот так бы в масштабах всей страны навести порядок, задавить коррупцию и не будет желания у моей дочери уезжать из России», – наивно рассуждал Сибирцев над зигзагами судьбы тех, кто вознесся выше неба и потерял уважение к младшим по званию. Хотя кому-то из младших по званию и нравилось ходить у полковника в холуях. Например, Гошка Бусляев – личный фотограф полковника Опарышева – сильно затосковал после ареста шефа и срочно «вычистил» из своего архива компрометирующие фотографии полкана – эксгибициониста и эротомана. На этих фото полковник Опарышев в одних сланцах натурально «драил» в сауне свою любовницу Катьку Какафонову – бывшую звезду российского телевидения. Катьку полковник сделал начальником пресс-службы ЦДКА, даже отправил ее на месяц в Алеппо – отсидеться в штабе российских войск в должности редактора боевого листка, чтобы по возвращении в Москву вручить ей серьезную медаль «За боевые заслуги». Понятно, что заслужила ее Катька в подмосковной бане, ублажая полкана, но зато какие «насосала» льготы к пенсии! Даже похоронят Катьки-«подполковницу», банно-боевую подругу Опарыша, за казенный счет со всеми полагающимися почестями.

Личный фотограф Опарыша Гошка Бусляев тоже хотел медаль, как у Катьки. В этом он признался Сибирцеву по пьянке во время командировки в Хакасию, на соревнования военных спецов по горной подготовке. И, конечно, похвастался банными фотками полкана на Катьке в сланцах: «Я же ведь личный фотограф Опарышева!».

– Так ты бы, Гоша, лучше бы сосал у полковника Опарыша с другого бока, чем на гашетку фотоаппарата давить без-

думно, – съязвил Сибирцев. – Глядишь, был бы уже Героем России.

– Так товарищ полковник мне не предлагал, – задумался пьяный Гошка.

– Так что тебе мешало проявить инициативу?!

– Да что-то постеснялся, – впал в тоску фотограф.

Паскудный Гошка отомстил за злую шутку Сибирцева в Москве, когда во время видеомонтажа специально вырезал его изображение из видеointервью, которое Сибирча взял у известного в стране рэпера Басты. Более того, кастрированную картинку Гошка запилил в ютуб.

Когда Сибирча увидел в Сети дешевую подлянку Гоши (много сложнее было испортить видеointервью за монтажным столом, чем сделать все красиво), разговор был коротким. Москвичонка Бусляева Сибирцев отвозил мордой по столу прямо в пресс-службе ЦДКА и подал рапорт на увольнение. Уволился и Гошка Бусляев из армейского клуба, продав на сторону пару дорогих казенных фотоаппаратов. Сейчас он снимает для штаба «Юнармии» – общественной организации, придуманной полковником Опарышевым. Сам полковник получил тюремный срок, но дело его живет. Юные лизатели ануса знают точно, где их ждут с распростертыми объятиями.

Но не все было так грустно в армейском клубе. За два года «службы» в ЦДКА Сибирцев крепко сдружился со спортсменами клуба – дзюдоистами, биатлонистами, фехтовальщиками, и мог смело занести себе в актив сотни интервью, опубликованных в центральной прессе с героями армейского спорта. А главная удача Сибирчи в ЦДКА – спасение невинной души иркутянина Антона Шадрина. Сибирцев буквально вырвал его из липких лап адептов партии ЮЛА.

Антоха Шадрин – юный выпускник питерского журфака – был помощником у Сибирцева в ЦДКА.

Члены ЮЛА хотели обратить Антоху в ленивого лизоблюда, но Сибирцев каждый день давал ему новые задания, и объяснял, что хорошо, что плохо. Сначала, разбирая его заметки, а затем, во время перекуров, уча «солдата» не врать самому себе.

– Роман Николаевич, ну ведь можно и так написать, никто из начальства не придерется, они же тупее портупей, как вы говорите, – поначалу Антон противился тотальной жизненной правке Сибирцева.

– Я же вижу, сын свободного иркута, что ты не докрутил интервью, меня же не обманешь, – употребляя в данном контексте гораздо более грубый, сибирский глагол, нарочито гневался Сибирцев, точь-в-точь как главред «Росспорта» Скобцев.

Когда Шадрина вызвал на ковер полковник Опарышев и заставил дать показания против неплохого человека, Антон струхнул.

– А что бы я сделал, когда Опарышев грозил меня уволить с белым билетом и пригрозил, что я нигде не смогу больше устроиться на работу? – оправдывался смущенный своим поступком Антон.

– Ну и балда же ты, Антоха, Опарыш взял тебя на «пшенку», а ты же не тупой подлещик, ты щуренок, – рассердился не на шутку Сибирцев. – Москва большая, хорошего специалиста своего дела работа всегда найдет.

Правоту своих слов Сибирцев извлек из личного опыта трудоустройства в Москве.

Под присмотром Сибирцева рекруты партии ЮЛА были бессильны отвести мальчишку в свое стойло. Удастся ли им это в будущем, тут решать Антохе Шадрину.

Общение с «опарышами» в военной форме, чванливыми ура-патриотами, барствующими на казенных харчах, – худшее, что было для Сибирцева в ЦДКА. Лучшее – борцовское братство спортсменов и тренеров этой школы – простые и на-

дежные люди, которые не раз подставляли плечо Сибирцев в самые его сложные времена.

– Чем больше реальных заслуг перед страной имеет человек, чем выше несомненный и реализованный его талант, тем проще он в общении, – глубина этой простой аксиомы стала понятна Сибирцеву именно в ЦДКА.

За встречи с такими людьми Сибирцев и ценил работу в Москве, и по-прежнему любил свою профессию. Каждый новый дельный собеседник давал Сибирцеву не только материал для интервью, но и богатую пищу для размышлений.

Сибирцев считал, что перед Богом все едины, что полковник, что репортер, что продавщица мороженого тетя Зина из Кемеровского центрального универсама, что артист столичного театра.

Актер театра имени Пушкина Костя Похмелов не так часто, как хотелось бы Сибирцеву, приезжал в гости. Понятно: гастроли, спектакли, съемки в сериалах.

Сибирцеву хотелось более частотного общения с уравновешенным Костиком – коренным москвичом, начинавшим вратарскую карьеру в детской футбольной команде «Торпедо», но по большой любви к сцене попавшему в школу-студию МХАТ.

Костик обладал житейской мудростью, прямо противоположной жизненным установкам самого Романа.

Переступая порог квартиры нового «москаля» в Лобне, актер Костя прятал под стол маски и ужимки. Разговор под шахматы с закусочкой шел умный, тонкий, искренний и душевный...

– Так какие они, настоящие москвичи? – неожиданно для гостя Сибирцев сделал шах конем.

– Слишком простой для тебя вопрос, Роман, – удивился Костя. – Ты обычно ставишь более сложные задачи.

– И все-таки, – настаивал Сибирцев.

– Давай так. Например, я играю на сцене роль подлеца, но это не значит, что я сволочь, а если, предположим, моя роль – дух святой, то и я, стало быть, свят? – начал Костя издалека, залпом опрокинув рюмку «Зубровки». – Тоже ведь нет, но к каждому можно ярлык прицепить. Ты смотри на поступки, а красивые монологи хороши для театра. Где бы ты ни родился, ты зла не делай другим, и будет полный аншлаг в твоей жизни.

– А ты счастлив, московская твоя суть? – напирал Сибирцев.

– Как тут прямо сказать. Я, например, человек осторожный, служу театру почти 30 лет и очень этому рад. Да, режиссеры меняются, приходят новые роли, ну не Гамлет я, не Годунов, не Ревизор, в конце концов, с Городничим, но я же занят любимым делом, дети растут, и ты живи, Сибирча, радуйся жизни. Тебе что, плохо живется в Лобне – между Кемерово и Москвой? – артист перевел стрелки разговора на Сибирцева.

– Да, в общем-то, грех жаловаться, работы много, – задумался Сибирцев и вспомнил хирурга Владимира Дедина, который видел истинное нутро Сибирцева во время операции в Боткинской больнице.

Бывший кемеровчанин и врач от Бога Владимир Дедин по родному городу не скучает, потому что времени на скуку – нет. Он работает на износ – по пять операций в день. Им и поболтать было некогда в коридорах отделения «печенки и селезенки», которым рулит вечно занятый доктор Дедин. Данила-мастер «Медицинской горы» доктор Дедин без устали творит свой «каменный цветок», а недавно написал докторскую диссертацию. – Когда успевает? – не без восхищения изумлялся работоспособности земляка-хирурга Сибирцев...

Через неделю после операции, уже на выписке врач сказал: «Роман, полет нормальный, работать будешь, для Москвы это главное, много не пей, Кемерову – привет!».

Сибирцев оклемался и улетел в Кемерово. На поправку.

Глава X

КИШКИ И КОГТИ РАБОЧЕГО КУЗБАССА

Сибирцев, приближаясь к «полтиннику», по-прежнему, как в детстве, считал самолет настоящей машиной времени. Особенно остро он ощущал это в салоне «Боинга», когда летел на малую родину. На физической карте СССР, а потом и России, Кемеровская область по форме своей была похожа на сердце страны.

«Скажем, Красноярский край, напоминающий громадный ботфорт, вместит в себя, наверное, с пяток таких сапожков, как Италия, то «сердце страны» Кузбасс вместит в себя все боли и радости России», – так почему-то возвышенно хотелось думать Сибирцеву о малой родине.

Всякий раз, подлетая к Кузбассу, он пытался безуспешно разглядеть это «сердце», но видел он только зеленое море тайги и угольные разрезы, разъедавшее «пламенный мотор», как ржа металл.

Всего четыре часа в пути в самолете, и из слякотной столицы он попадал в настоящую сибирскую зиму, в сугробы до макушек сосен, в жгучие объятия мороза. Мороз бодрил его лучше любого кофе и коньяка.

– Если кости мамонта в вечной мерзлоте могут пролежать тыщу лет, то одна зима, проведенная в Сибири с ноября по апрель, омолодит тебя на три года, – подшучивал над другом Мишка Бармалей, каждый раз встречая Сибирчу в кемеровском аэропорту имени космонавта Леонова.

Мишка стал пивным боссом, еще не олигархом, но не далек тот день, был уверен Сибирцев, когда это случится. В конце 90-х предприимчивый ум помог Мишке нащупать свой путь мимо тюрьмы и вел к достатку на свободе.

После службы в Советской Армии Мишка Бармалей вернулся домой с Сахалина и снова попал под «дедовщину»

рэкетиров, собиравших дань с торговцев ларьков. Мишка тогда купил первую свою торговую точку, и всегда носил с собой «заточку», ну, пускай, шило, чтоб понятнее было москалям. Хотя, какое это шило, точнее – длинный острый гвоздь.

Рэкетиру Ваське Шмону с Мишкой не повезло. Заточка вошла в бок рэкетира, как в студень. Но стучать ментам на Бармалея рэкетир с «дырочкой в правом боку» не стал, потому что стучать было не по понятиям. Шмон думал свести с «барыгой» счета после больницы, но так и не выкарабкался. А Мишка со временем поднялся на пивном бизнесе, которым в 90-х управлял местный авторитет Зимородов.

Авторитета Зимородова прямо в центре Кемерова застрелил из «Макарова» бывший капитан юношеской футбольной команды «Метеор» Вовка Ирусланов. «Пивного короля» киллер завалил насмерть, а вот зачем он в тот день стрелял по коленам племяннику Зиморода, тоже юному футболисту, Вовка Ирусланов никогда не расколется и вряд ли отмолит свой грех. За 10 лет тюрьмы Ирусланов построил храм на зоне, конечно, более прочный, чем в своей душе.

А что в душе у Мишка Бармалея, скребут ли кошки за дела минувших дней?

– Ну что, куда рванем, Сибирча, в музей-заповедник на Томскую писаницу, или сначала на Красную горку, на кишки рабочего Кемерова посмотреть желает сытая столица? – хохотал Мишка.

– На гору, Бармалей ты мой, Валеев-Бармалеев, а потом на стадион, и черт с ней с Томской писаницей, мы распишем свою именную гору, как пасхальное яйцо: «Здесь были Мишка Бармалей и писака Сибирча», – расплылся в улыбке столичный «гость». – Заметьте, «мистер Кемерово», маршрут этот много короче, чем ваш – по опочивальням прекрасных кемеровских дам.

Сибирцев обожал кемеровскую зиму, ее не могли испортить даже едкие выбросы в небо химических предприятий.

– И дым Отечества нам сладок и приятен, когда ты молод, пьян и при зарплате, – в предвкушении праздника жизни Сибирцев радостно бил Мишку в плечо кулаком.

– Да погоди ты, Сибирча, дай вырулить на мост, – не сердился Бармалей, соскучившийся по общению с другом.

В Сосновом бору на правом берегу Томи есть сказочное место на Красной горке, ну там, у памятника погибшим шахтерам скульптора Эрнста Неизвестного...

Если «позырить», как уверяет Мишка Бармалей, на промзону Кемерова с этой смотровой площадки, то испытаешь два желания. Первое – бежать в тайгу за кедровыми шишками, чтобы первозданная красота излечила душу от ужасного вида внутренних рабочих Кузбасса, от дыма труб и пламени печей Коксохимзавода. Желание второе: остаться на месте и бесконечно восхищаться масштабами деятельности человека разумного.

Мишка считает, что если бы не эти «кишки» рабочего Кузбасса, на месте Кемерова была бы непролазная тайга.

Действительно, заброшенные пионерские лагеря в Журавлях уже через три года запустения после развала СССР были сожраны тайгой. Так таймень заглатывает мелкую рыбешку на сибирской речке Тайдон.

В штрафной футбольного поля лагеря «Разведчик», где Сибирча единственный раз в жизни выиграл золотую медаль чемпиона мира в 1985 году, растут теперь сосны в обхват. Это был открытый чемпионат мира, можно сказать, что и шуточный, но если разобраться, то именно эта победа совершенно серьезно привела Сибирцева на главный стадион Кузбасса – красавец «Физик».

Сколько себя помнил Сибирцев, «Физик» был всегда одного краснокирпичного цвета – точно такого же, как стены московского Кремля. Это и есть главный Кремль Кемерова.

В детстве Ромку страшно восхитила в московском Кремле сломанная Царь-пушка, которая, кажется, никогда не стреляла, а только грозила врагам.

Главным героем стадиона «Физик» стал для юного Сибирцева Виталий Раздаев – лучший футбольный бомбардир первой лиги СССР. Эта Царь-пушка была символом непобедимости сибирского духа.

Когда «Бригадир» и сын шахтера Виталий Раздаев, словно статный былинный богатырь, выходил на футбольное поле, взмахнув своими седыми кудрями, рабочий люд на трибунах заходился от восторга.

В 1977 году в домашнем матче чемпионата СССР Раздаев забил четыре гола в ворота московского «Спартака». Четвертый, самый красивый мяч Раздаева – ударом влет из-за штрафной площадки в «девятку» – судья отменил, вероятно, чтобы не травмировать психику Николая Петровича Старостина – патриарха советского футбола и вожака московского клуба.

Столичный клуб, спустившийся тогда на сезон в первую лигу, подарил возможность сибирскому форварду покрыть себя славой великой.

Сибирцев мечтал играть в футбол, как Раздаев. Тогда Ромка еще не знал, что свое мастерство «Бригадир» три года оттачивал в столичном ЦДКА, забивал голы в высшей лиге отечественного футбола, но не смог огорчить в финале Кубка СССР лучшего вратаря XX века Льва Яшина и вернулся на малую родину в «Кузбасс».

– Да чем же велик твой Раздаев, тем, что пил водку тазами, плюнул на карьеру в Москве и вернулся в глушь, чтоб загубить свой талант? – ведущий футбольный обозреватель «Росспорта» Евгений Головчев отчитывал Сибирцева за предположение о верном выборе «сибирского самородка» Раздаева. – Кто он сейчас – твой Раздаев? Почетный гражданин Кемеров? Депутат облсовета? А мог бы играть за сборную СССР!

Правота Головчева звучала неубедительно для Ромки.

Сибирцев встречался в Москве со многими великими игроками сборной СССР, которые тихо умирали в столице, забытые своими поклонниками. Могилка у МКАД, маленький некролог в «Росспорте» и дай бог с десятков провожавших великого игрока в последний путь. Такие печальные картины Сибирцев в столице наблюдал не раз. А Раздаева в Кузбассе любили все – как народного героя на все времена.

– Как же, как же, помню я Головчева, шустрый был защитник, в том матче со «Спартаком» в Кемерове он первым добегал до своих ворот, чтобы вытащить мяч из сетки после моих голов, – рассказал Сибирцеву сам Виталий Раздаев, когда они вдвоем в деревенской баньке парились березовым веничком. – Ты пойми, Сибирча, каждый выбирает свой жизненный путь, мой путь мне подсказала душа, и я ее послушался, и ты прислушайся к себе.

Раздаев рассказал тогда Сибирцеву, что великие игроки сборной СССР Эдуард Стрельцов и Валерий Воронин делали себе педикюр в московских банях – так нежно они следили за своим «орудием производства». Сибирцев невольно бросил взгляд на ногти сибиряка, удивительно похожие на черные когти черного коршуна. Этими когтями Раздаев вцепился в родную кузбасскую землю, врос в нее, став местной легендой и достопримечательностью.

– Виталий Саныч, а это правда, что когда вы играли в футбол, то пили водку тазами? – поддав ковш воды на каменку, спросил Сибирцев.

– А покажи мне непьющего? Не бывает такого: сейчас не пьет, а раньше когда-нибудь выпивал. А вот курить я пробовал еще в 1-м классе, ведь мой родной Анжеро-Судженск – город шахтеров. Где ты видел, чтоб шахтер не курил? Первый раз выпил, когда в школе учился. Колядовали на Новый год – хлопнул стакан домашнего пива, так наизнанку вывернуло. Но

в запой не уходил. Если только в отпуске мальчика расслабишься. Иначе сердце посадишь или прямо на поле помрешь. Пил, как все, иначе бы до 43 лет не играл.

– Так уж как все? Рассказывают, что, засадив стакан водки, вы могли выйти на поле и забить гол в официальном матче, – не унимался Сибирцев.

– Такое было пару раз в жизни. Вмазал, а после отпылил на морально-волевых. Если плохо сыграл с бодуна, надо завязывать с футболом или с водкой. По молодости бестолковым был – на спор мог бутылку водки из горла засадить, не отрываясь, а вслед бутылку шампанского.

– Тоже не отрываясь? – с выпученными от изумления глазами Сибирцев глядел на кумира своей юности.

– Обижаешь. Иначе какой спор на ящик коньяка? Фокус в том, что шампанское подогреть надо особым способом, чтобы пузырьки не душили. А нынче вот уж как 16 лет не употребляю. И не жалею. Жалею, что литовкой траву семь лет не косил. Работы и в Сибири непочатый край. Дело надо любить, которому служишь, и не важно где... Я по сей день играю в футбол. Оторви от мяча – помру.

– А если бы не футбол, то и пахали бы в забое всю жизнь? – вслух предположил Сибирцев.

– Тут ты прав на сто процентов. Мой батя, Александр Петрович, – шахтер-стахановец, бригадир, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, партийный до последней косточки. Даст батя мне задание с утра: поросенка накормить, воды в огород натаскать, и чтоб все по уму. Придет со смены – проверит. Как ахнет ремнем, если плохо сработал. Учил справедливости. Нас в семье четверо детей было: старший брат Толик, средний – Владимир, сестра Галина и я. Толик стал шахтером, он недавно умер от рака, а мы с Владимиром в футбол подались. Помню, отец придет со смены и с мужиками из бригады рассуждать за столом начинают, как уголька на-

рубить побольше. Не хватит мужикам пол-литра – отец меня в магазин посылает. До закрытия лавки – 15 минут, попробуй не успеешь. Скорость такую во мне отец развил, что стометровку из 11 секунд выбегал. Образование у отца – три класса. Когда его в бригады двинули, экзамен послали сдавать. Преподаватель: «Обоснуйте математически, как крепи надо крепить». Батя в ответ: «А хрен ее знает, полезли в шахту, я тебе покажу», – улыбался Раздаев...

Баня делала свое дело. Где как не в парной самое оно излить душу.

– Помню, в доме отца на праздник все у нас соберутся – дядьки, тетки, гости, пляски под гармошку, – пустился по волнам воспоминаний бомбардир. – А я на губной двухрядке немецкой здорово жарил. В ЦДКА на сборах мужики серчали по утрам: чего, дурак, разыгрался, выкинем сейчас дудку твою к чертям. А вечером, ближе к отбою, сами просили: сыграй для души. А моя-то душа была в Сибири.

– Где вы и угробили свой футбольный талант? – задал наконец Сибирцев вопрос, который в юности его сильно волновал.

Уже в предбаннике разомлевший от пара бомбардир всея Сибири взял паузу в разговоре, прикрыл глаза и спокойно ответил:

– Сибирча, ты вроде наш человек, а рассуждаешь, как москаль. Да, меня звали в питерский «Зенит», московский «Локомотив», ташкентский «Пахтакор». Но после трех лет в ЦДКА я не хотел из Сибири уезжать. Зачем мне Москва? Был я там – красиво, но дома лучше. В Сибири родня, тайга, рыбалка, охота. В Москве и береза не так пахнет. Ведь за славой я не гнался. Мы люди простые. Деньги и слава человека засасывают – время жизни крадут. Для меня человеческие качества на первом месте. Плевать, при власти твой товарищ или зону топчет – все люди. Поэтому не кичимся, часто

выезжаем с ветеранами «Кузбасса» играть с заключенными в футбол. Футбол всех делает добрее. И ты будь добрее – хоть в Кемерове, хоть в Москве...

После разговора в парной с 70-летним Бригадиром Сибирцев даже разглядел какой-то злорадный символизм в том, что именно бывший игрок сборной СССР и «Спартака» Головчев вручил ему, сибиряку, самую престижную премию «Росспорта» – «Золотое перо».

Похвастаться наградой Сибирцев уехал в Кемерово.

Глава XI

«ЭТО ВАМ НЕ ХРЕН В СТАКАНЕ»

Первые 10 лет в Москве Сибирцев не желал жить по правилам столицы. «Это вам не хрен в стакане, это мы – кемеровчане!» – мощный лозунг тысяч кемеровских болельщиков во время домашнего чемпионата мира по хоккею с мячом в 2007 году был жизненным принципом Сибирцева.

Роман часто вспоминал этот турнир – лучший в истории русского хоккея. Результаты матчей он давно забыл, а пьянящая атмосфера народного праздника и чистое детское счастье на лицах кемеровчан крепко врезались в память.

ЧМ-2007 по бенди в Кемерове – это настоящая сибирская хлебосольная свадьба, на которую пригласили не только кемеровчан, но и всю родню, всех, кого вспомнили, даже самых далеких родственников русского хоккея со всей Сибири, Дальнего Востока, из Москвы, Вятки, Швеции и Финляндии.

ЧМ-2007 – наш кемеровский Всемирный фестиваль молодежи и стариков, представителей всех рас и сословий. Именины кузбасского сердца.

Свадьбу гуляли неделю, с танцами, раскатистой музыкой на всех площадях, в полифонии которой нашлось важное место и для баянов, и для бубнов забайкальских шаманов, и для первых-вторых скрипочек местного симфонического оркестра.

Запах дорогих наливок на любой вкус сшибал гостей с ног, ну а когда блины с красной икрой уже не лезли в глотку, добродушные хозяева предлагали отведать расстегаи с тайменем, а после – пельмени с маралом: «А вот еще, пожалуйста, холодца с хренчиком, ну что же вы так плохо кушаете, свадьба же идет, уважьте родителей молодых...».

В финале «свадьбы», точнее, на белом ледовом брачном

ложе стадиона «Физик», сборная России сломала сопротивление шведской «невесты».

Тридцать пять тысяч язычников русского хоккея в дичайшем восторге наблюдали за «тайнством» Великой игры, поднимая стаканы за каждый голевой поцелуй брачующихся.

Если вы не пили стоя водку в 30-градусный мороз на русском хоккее в Кемерове, значит, вы никогда не были в этом городе. Значит, вы не пробовали жизнь во всей полноте ее.

Если в Иркутске болельщики на русском хоккее непременно сидят на трибунах, подкладывая под зад циновки и одеяла, чтобы не примерзнуть к сиденьям, то в Кемерове за русский хоккей пьют только стоя, по 100 грамм на душу.

Ледяная на морозе водка становится вязкой и сладкой, как сироп, падая одной большой каплей в желудок, и вот тут непременно надобно закусить.

Если в Иркутске на закуску – бурятские «позы» из кастрюльки, предварительно укутанной в плед, чтоб тепло не покинуло «позы» до стартового свистка хоккейного арбитра, то в Кемерове на русском хоккее в почете соленое сало с чесночной горчинкой.

Сам же Сибирцев в Кемерове предпочитал закусывать водку на русском хоккее холодной кровяной колбаской и луком. Амбре было, конечно, на любителя, но это, как известно, дело вкуса. Кемеровские дамы нос не воротили.

Опасность тут крылась в другом. Едва болельщик с «каплей» ледяной водки попадал в тепло, она превращалась в свинцовую пулю, и была без промаха в висок. Контрольный выстрел русского хоккея!

Сибирцев был свидетелем, как игроки «Кузбасса» после матча как родного тащили на своих плечах «убитого» русским хоккеем болельщика восвояси. В каком другом виде спорта, скажите, такое можно представить, чтобы звезды спорта так заботились о своих фанатах...

Таким запомнил Сибирцев русский хоккей в Кемерове, и всякий раз, прилетая на родину, шагал на стадион, решив для себя, что только там, ударившись оземь, как серый московский волк, можно запросто превратится в «чисто кемеровского пацанчика».

«Ледяная капля» была лучшим проводником в этом деле, лишь бы все совпало: верные друзья рядом, мороз хотя бы под минус 25, хоккей чтоб был красивый и «сорок градусов» в стакане.

Труднее давалось обратное превращение.

В столице Сибирцев испытывал жёсткий внутренний конфликт, ему казалось, что Москва не принимает его, а только лишь спасается за счет невероятной работоспособности бойца сибирской дивизии. К тому же эффект «ледяной капли» в Москве терял всякий смысл без друзей рядом, без болельщиков на трибунах стадиона «Физик».

От тоски по малой родине Сибирцев тазами, как «Бригадир», конечно, водку не пил, но бывало, что до явственных чертиков.

Однажды в Москве сразу после возвращения из Кемерова черт с ногами уселся на подушку к Сибирцеву и предложил нехитрый выбор:

– Ну что, брат, выбирай, «Ледяная капля» на чемпионате мира в Кемерове по русскому хоккею или командировка в Пекин на Олимпиаду?

Сибирцев, конечно, выбрал Кемерово, но черт обманул.

Бесовское лукавство. Великий кемеровский чемпионат мира никогда не повторится. В Пекине сибиряку было чертовски душно торговаться с китайкой за норковую шубу для жены, да и на черта шуба в малоснежной Москве, другое дело на русском хоккее в Сибири.

Матерый кузбасский фотограф Володя Ключень, лет сто назад поработавший в «Росспорте» и преодолевший жизненный маршрут Омск – Москва – Кемерово, наставлял Сибирцева:

– Зашей себе задницу в столице суровыми нитками и молчи, как сибирский партизан.

– То есть, совсем зашить? – переспросил Ромка. – А если в туалет приспичит?

– Ничего, потерпишь, – усмехнулся старый Ключень и рассказал историю, как «обосрался» в кустах прямо в Ватикане, не дождавшись встречи с Папой Римским.

– Так ведь и счастье можно свое просрать, Володя..., – хохмил Сибирча.

– Ничего, придет и на твою улицу праздник, если дотерпишь...

И правда, через 10 лет столичной жизни Сибирцеву стало легче дышать. Однако колоть иголкой собственный зад Сибирцеву было нестерпимо обидно. В 2007-м, приехав в столицу, Роман считал себя стопроцентным сибиряком. Но через 10 лет московских «исканий себя» даже для самых дорогих своих земляков он превратился в «москаля».

Например, для президента хоккейного «Кузбасса» Бориса Щегловского, который чаще бывает за границей, чем Сибирцев в Кемерове. Однако Щегловский, по его собственному мнению, стопроцентный кемеровчанин, а Сибирцев, видите ли, москаль.

– Ну что, приперся «москаленок» в родное болото, – одной и той же фразой всякий раз приветствовал Сибирцева Щегловский, когда Роман возвращался на родной стадион из Москвы.

Для Сибирцева поле «Физика» было священнее бразильского стадиона «Маракана» и парижского «Парк де Пренса» вместе взятых. До Бразилии, правда, Сибирцев не добрался, а на «Парк де Пренсе» побывал в 1998 году, когда Щегловский отправил его в командировку из Кемерова на чемпионат мира по футболу. Это была неслыханная душевная щедрость президента футбольно-хоккейного клуба.

Пьяный от футбола Париж восхитил Сибирцева, он тог-

да еще не дожил до чемпионата мира в Кемерове. Но общение с местными шоколадного цвета французами ему и тогда, в свой первый приезд в Париж, не понравилось.

Почему-то любителей темнокожих женщин, например, актера Роберта Де Ниро, за глаза обзывают шахтерами. Никакой взаимосвязи между неграми с сибирскими горняками Сибирцев не улавливал.

Сибирский горняк – это размах души, раздайся недра, гулять так до последнего рубля, а французский «шоколадный заяц» – будто впитал в себя до основания совсем не самые лучшие черты цыганского народа.

«Но разве ночной грабеж, а после обеда мелкое воровство, попрошайничество – это яркие черты? Да нет, это запаadlo», – рассуждал Сибирцев.

В 1998 году в Париже Сибирцев зашел в одно злачное место, совсем неподалеку от «Мулен Руж», и едва ноги оттуда унес. Голенькие «шоколадки» в такт румбы терлись интимностями о колени посетителей и нестерпимо желали шампанского. Наверное, так просят пить губастые верблудицы после долгого перехода по Сахаре.

Когда официанты принесли счет за две бутылки шампанского на две тыщи баксов (в переводе с франка), у русских туристов и собутыльников Сибирцева вмиг пропало желание пройти обряд посвящения в «шахтеры». И начался интернациональный базар с вышибалами злачного места.

Черт (устаами собутыльника Романа – футбольного туриста из Москвы) шептал в ухо Сибирцеву: «Ты бьешь первым вон тому лысому негру по чайнику, я – второму, щеколду открываем и рвем когти в свой отель».

Для Сибирцева это был не вариант. Понятно, если бы рядом с ним был президент «Кузбасса» Щегловский, можно было отоварить дуплетом хоть двух «горилл» разом, но в мощь взаимовыручки московского товарища он не верил, и этот

роковой удар по иностранной башке мог закрыть сибиряку окна в Париж навсегда.

Такая перспектива Сибирцеву не улыбалась, в 1998 году он еще химер Нотр-Дама толком не успел разглядеть.

И тогда на чистом русском Сибирцев объяснил «гориллам» простую истину и волком глянул на вышибал:

— У нас только 50 баксов, аревуар, бонжур, мерси, и до свидания.

Приняв 50 баксов отступных, шоколадные французы баскетбольного роста выпустили русских туристов в Парижскую ночь. Сибирцев так и не стал настоящим, во всех смыслах, шахтером. Зато сохранил тугой бумажник московского туриста в неприкосновенности.

В тот момент Сибирцев подумал, что будь рядом с ним Щегловский, гориллам пришлось бы еще доплатить русским гостям за визит.

На солдафонский кемеровский юмор Щегловского Сибирцев не обижался. Он знал, что этот «солдафон» и владелец местного универмага в жиганской кепке-восьмиклинке не настолько злобен, насколько хочет показаться.

Щегловский был много тоньше, человечнее, добрее, чем созданный им образ хулигана, попавшего на спектакль в театр.

Когда-то в 90-х, чтобы добиться успеха в стальном и холодном, как кистень, Кемерове, Щегловский отложил в сторону свой детский фотоаппарат и мечту стать разведчиком, вошел в большую жизнь по комсомольской путевке, закрепился в ней, как вожак стаи земляков, и всегда спинным мозгом чувствовал любые сквозняки перемен в коридорах местной власти.

«Хан» обожал Щегловского за постоянные медали чемпионата и Кубка России, которые давала на-гора созданная им команда, за полные трибуны «Физика», скандировав-

шие: «Наш «хан» – Аман!», за искреннюю заботу о юных спортсменах.

Это Щегловский убедил «хана» построить в Кемерове первый за Уралом крытый каток для русского хоккея и приобрел право проведения ЧМ-2007 по русскому хоккею в Кемерове.

– Ага, если я – москаленок, то Щегловский все купил, – улыбаясь, огрызался Сибирцев, он был рад встрече с Щегловским, который никогда не рисовался, а всегда нес грубую правду «хулигана».

Было дело, они даже когда-то дрались под чревом «Физика», но это не отменяло уважения друг к другу. Оба любили Кемерово и знали стихи Высоцкого наизусть.

Щегловский, по мнению Сибирцева, был настоящим могучим кемеровским медведем. Сибирцев знал только двух таких крупных матерых хищников земли Кузнецкой: хулигана с душой ребенка Бориса Щегловского и крайне неразговорчивого Владимира Лихайлова – уважаемого всеми горожанами многолетнего главу Кемерова.

На работе мэр Лихайлов был суров и требователен, а в кругу самых близких мог махнуть «соточку», с легкостью растянуть свой баян и исполнить «Бродяга Байкал переехал».

Оба медведя – Лихайлов и Щегловский – за вклад в развитие родного Кузбасса получили в Москве государственные награды, но, если говорить правду, то столица Щегловского не любила, да и он ее не жаловал, выбирая свои затяжные маршруты по земному шару, минуя Москву.

Другое дело – тренер Виктор Гаус, еще один известный доморощенный кемеровский ценитель Высоцкого, некогда друг и соратник Щегловского, с которым они вместе начинали строить могущество «Кузбасса».

Гаус, прожив полвека в Сибири, уехал в Москву, где уже 10 лет помогает управлять всем русским хоккеем во всерос-

сийской федерации хоккея с мячом. Причем живет рядом с домом поэта на Малой Грузинской.

У каждого свой Высоцкий. Своя сокровенная мечта. Свои способы достижения цели.

Сибирцев с детства всю жизнь мечтал выйти на поле «Физика», как Виталий Раздаев, и чтобы полные трибуны зрителей ревели от восторга. Мечта исполнилось в 2011 году, но в причудливом формате. Боксер Валуев позвал в Кемерово футболиста Аршавина, чтобы провести показательный матч. На шоу «пивных животиков» и настоящего Аршавина из лондонского «Арсенала» собрался полный стадион. Сибирцев играл в одной команде с Раздаевым и Аршавиным, народ на трибунах ревел, но все это было как во сне, словно не по-настоящему.

«Олимпийские медали за победы в шоу не присудят, или главное в жизни – пиар?» – задумался тогда Ромка Сибирцев, фотографируясь с Аршавиным...

– Ну, с чем пожаловал в Кемерово? – спросил Щегловский Сибирцева со всей своей прямоотой в 2016 году.

– Да вот думаю домой совсем вернуться, достала меня Москва, Борисыч, – закинул удочку на хариуса Сибирча, а поймал разъяренного тайменя.

– Слабину чоли дал? Не пори чушь, – с пол-оборота взвился Щегловский. – Уля ты тут будешь делать? Писать заметки про «чё-почём в хоккее с мячом»? Работай в Москве, общайся с великими людьми, люби близких, плати свою ипотеку, а если станет невольно, дуй на каникулы в Кузбасс заправить баки.

Сибирцев услышал Щегловского и уехал в Москву.

Но сначала заехал в Ленинск-Кузнецкий.

Глава XII

В ЗЕРКАЛЕ УЧИТЕЛЯ

От Кемерова до Ленинска меньше 100 километров.

Лет через сто они сольются в один мегаполис, а в юности Сибирцева этот шахтерский городок по сравнению с областным центром был глубокой провинцией.

И сегодня, как и 30 лет назад, чадят угольной гарью котельные почти в каждом квартале Ленинска-Кузнецкого, превращая свежий снег в серый порошок. Сибирцеву всегда казалось, что этот спрессованный морозами грязный снег Ленинска был бы годен для растопки печей где-нибудь в сверхтехнологичной Японии. Тем удивительней было, что в этой серости будней шахтерского Ленинска-Кузнецкого был воплощен совершенно радужный проект футбольной народной команды «Заря», вполне себе Давида из самых сибирских недр, побеждавшего столичных футбольных Голиафов.

– Нож острый, смерть будет легкой! – этот возглас пожилого фаната «Зари» по прозвищу Горемыка надолго запомнили игроки столичных команд, павших в футбольной битве с «Зарей» на домашнем ленинск-кузнецком стадионе «Шахтер».

Этот незабываемый клич Горемыки, как эхо из светлого футбольного прошлого, бередил душу Сибирцева всякий раз, когда он возвращался на футбольное поле своей юности и незлобивой шахтерской брани в адрес соперников «Зари» и судей.

Однажды недовольные судьейством болельщики «Зари» выбежали на поле и так отбуцкали арбитра Всероссийской категории, что стадион «Шахтер» навеки хотели дисквалифицировать. И только страх перед шахтерской футбольной забастовкой заставил снизить жесткие санкции до трехматчевой дисквалификации стадиона...

И через 30 лет после окончания интерната Сибирцев

любил навещать своего учителя – футбольного тренера Сергея Лисютина – отца той восхитительной «Зари», игравшей в кружевной «столично-спартаковский» футбол Константина Бескова: «стеночки», «забегания» и вагон эстетских голов – «угольков», а не «пустой породы» дуболомного футбола «бейбеги».

Всякий раз Сибирцев всматривался в учителя, как в зеркало, которое никогда его не обманывало, и находил черты собственного характера: бешеный максимализм, стремление к постоянному творчеству и украшению пространства. Ну и, конечно, веселый нрав.

Своим жизненным пространством кемеровчанин Лисютин избрал провинциальный Ленинск, куда в 1987 году его пригласили в спортивный интернат возглавить открывшееся футбольное отделение.

Ровесники Сибирцева – самые талантливые 14-летние футболисты Сибири – стали первым набором самородков в интернат.

Это отделение вышло фундаментом для создания футбольной команды мастеров «Заря» – Лисютин забрал яркое название из Кемерова, где руководил детским клубом. «Заря» (Ленинск-Кузнецкий) побеждала хваленый ЦДКА и питерский «Зенит», а когда деньги на содержание могучей шахтерской команды в Ленинске улетучились, лучшие его воспитанники уехали в столичные команды.

Двое из них – Алексей Смертин и Александр Головин – стали ведущими игроками сборной России, а Лисютин навсегда прикипел к Ленинску, и остался здесь навсегда, чтобы растить новые футбольные таланты.

Сибирцев был бесконечно благодарен Лисютину за то, что тот спрятал его и всю команду юнцов в стенах интерната, сберег от последствий разлома СССР, в котором погибли тысячи сверстников Сибирцева.

Наркотики, пьянство, бандитские разборки – вот от чего оградил пацанов в интернате Лисютин.

Впрочем, и шесть лет отрочества в аквариуме спортинтерната не являлось стопроцентным антидотом от наркотической заразы. В 2003 году Сибирцев уже в составе команды ветеранов футбольного «Кузбасса» отправился на товарищеский матч с «зэками» за колючую проволоку зоны №5 (в самом Кемерове этих зон пруд пруди). В команде заключенных на поле зажигал жиган, по манере игры до боли напоминавший Тимоху, Саньку Тимофеева, с которым Сибирцев прожил шесть лет в одной комнате интернатского общежития.

– Санек, ты что ли? – спросил Роман у самого опасного форварда соперников, когда возникла пауза в игре.

– Я, Ромыч, я. Только, вроде и не я уже, а тень моя, – дежурно улыбнулся беззубый товарищ Сибирцева.

– Как ты сюда попал, Тимоха? – удивился Роман.

– Да покуролесили немного, на семь лет тюрьмы, – нехотя ответил Санька.

– Это больше, чем в спортинтернате, – быстро подсчитал Сибирцев.

– Зато не в шахте, – горько пошутил Тимоха и побежал к чужим футбольным воротам – успеть замкнуть прострел и оборвать неприятный разговор с товарищем детства.

Н-да, зато не в шахте.

Ромка Сибирцев в конце 80-х наблюдал за массовыми забастовками шахтеров Кузбасса, которые привели к развалу СССР, из окна автобуса, который возил «Зарю» на игры.

«Почему люди бастуют и клянут сытую Москву, играли бы лучше в футбол», – думал юный Ромка, глядя, как по пояс голые горняки с иступлением стучали касками по асфальту кузбасских площадей.

Ромке казалось, что у всех горняков жизнь такая же сытая,

как в спортивном интернате, который финансировался из Москвы по олимпийской программе.

Это было не так. Родители Сибирцева в то время едва сводили концы с концами, отоваривались продуктами в магазинах по талонам, и отъезд среднего сына в интернат на казенное содержание позволил им немного вздохнуть.

Вряд ли кто-нибудь из бастующих тогда в 1989 году догадывался, к чему приведут эти забастовки Кузбасс и страну.

Шахтеры дубасили касками по площадям так мощно, что разбили священное «корыто» СССР. А сам Кузбасс превратился в сплошной угольный разрез, где и шахты стали не нужны.

Взрывы динамита, угольная пыль до самого кузбасского неба, – такую картину наблюдал Сибирцев спустя лет 30 после детства, которое у Романа закончилось с переездом в шахтерский Ленинск.

Сегодня молодежь уезжает из Кузбасса в столицы в поисках лучшей доли, подальше от угольных разрезов, безнадёги и безработицы.

«Может быть, это и есть цель «богоизбранных» товарищей – вычерпать все полезное из Кузбасса и отсеять сквозь сито Москвы самых предприимчивых и крепких сибиряков, склонных к протесту, посадить на золотую цепочку, дабы избежать беспощадного шахтерского бунта», – повзрослев, задумывался Сибирцев.

Не сказать, что жизнь в спортинтернате в 90-е годы была малиной.

Больше всего Сибирцева угнетало, что даже среди товарищей футбольного отделения идет постоянная борьба за место под солнцем, за попадание в состав. То еще сито.

Ведь в стартовом составе команды на поле выходит только 11 футболистов. Борьба и конкуренция чувствовалась во всем, мальчишки кучковались вокруг лидеров команды, добиваясь

их благосклонности, а стало быть, становились ближе к основному составу.

Лидер отдаст пас на поле своему корешку, замолвит за него словечко перед тренером. Жить в «волчьей стае» не особенно нравилось Сибирцеву, а вот медведем в берлоге с любимой медведицей – это да, эта перспектива была ему ближе.

Но до своей берлоги надо было дорасти, так почему не в волчьей стае?

Тогда Ромка поставил себе цель: «Как бы ни было трудно, как бы ни надоел футбол на завтрак, обед и ужин, я буду терпеть».

Терпеть, когда тебя не ставят в состав, когда пальцы твои поморожены после тренировки на заснеженном поле, когда твой разбитый голеностоп вот-вот лопнет от боли, когда во время теста Купера (12-минутный забег на три километра) хочется остановиться и блевать прямо у углового флажка футбольного поля. Терпеть!

С этой задачей Ромка Сибирцев справился, в составе «Зари» стал чемпионом России среди сверстников, посмотрел страну, научился ценить настоящую дружбу, хорошенько ощутил чувство локтя под каждым своим ребром, окончил Училище олимпийского резерва, но в состав «Зари» Лисютина он не пробился и оказался на шахте «Комсомолец».

Не самый худший набор «регалий» для 20-летнего кемеровчанина, чьи бывшие одноклассники успели к 20 годам потерять себя безвозвратно.

Сибирцев мог бы таить обиду на тренера Лисютина за то, что он отсек от «Зари», а стало быть, отдалил мечту попасть в главную сборную страны, но обижаться было глупо.

К 20 годам любой спортсмен трезво оценивает уровень своих возможностей и делает выводы, как жить дальше. Сибирцев их сделал вовремя, четко осознавая, что Лисютин и так сделал для него больше, чем отец.

Например, научил верить в себя, приобщил к лучшим образцам отечественной литературы и, что особенно пригодились, к написанию статей.

В одном из интервью уже корреспонденту «Росспорта» Роману Сибирцеву в 2015 году тренер Сергей Лисютин дал ответ, в чем он особенно преуспел, как футбольный педагог:

– Мой профиль – лечение периферийного синдрома. Я убеждал ребят: мы часто уступаем задолго до игры, испытывая страх перед именами и титулами соперников. Наверное, поэтому игроки «Зари» не испытывали комплексов перед крутыми столичными командами.

Тут тренер Сибирцева был абсолютно прав в оценках, чего-чего, а страха перед отъездом в Москву в 2007-м у его воспитанника, овладевшего наукой «терпеть», точно не было.

Ну, а тогда, в 90-х, стая Лисютина, благодаря своим футбольным победам, завоевала уважение горожан, и местные урки уже не пытались снять с них адидасовские кроссовки: «Эй, братан, не жмись, дай кросы поносить на пару дней».

А может, местная шпана отстала от футболистов окончательно, потому что повзрослевшая «стая Лисютина» пару раз «загрызла» на автовокзале и в Парке Горького любителей легкой наживы.

– Привет, москвич! Златоглавая еще на месте или сдвинулась к Востоку, богатствами Сибири прирастая? – с доброжелательной витиеватой интонацией и хитрющим прищуром карих глаз встретил тренер своего ученика.

Лисютин заметно стал старше и более скупым на жестикуляцию. Сибирцеву даже не верилось, что 35 лет назад он зажигал дискотеки на танцполе «Изумруда» в Журавлях в качестве неиссякаемого на шутки диск-жокея – диджея, по сегодняшним временам.

– Да куда она денется, Сергей Николаевич, эта Москва, если только не качнет ее в сторону Европы, как ваших лучших

учеников – в «Бордо», «Челси» или в «Монако». Вопрос только: куда мне качнуться? – улыбнулся Сибирцев.

– А что тут думать, Ромка, – как в детстве, по-отечески называл тренер Сибирцева, оттого на душе «москаля» стало тепло, будто это мама в кои-то веки погладила по голове. – Просто вспомни, когда бывает трудно, чему я вас в детстве учил.

– А чему вы нас учили? Бить головой по мячу, вот уж набился почти до лысины, – рассмеялся Сибирцев.

– Не ерничай, балда, как ты не помнишь самого главного, – оживился Лисютин. – Я учил вас быть самодостаточными, где бы вы ни оказались, в любых жизненных обстоятельствах...

– Готовили универсальных солдат для покорения столиц? – применил Сибирцев известный журналистский прием в ожидании прямого ответа.

– Может, и так. Чтобы отправляясь в автономное плавание, как на подводной лодке, вы были готовы к решению любых житейских проблем.

– Почему же они, эти проблемы, не отступают? – продолжил наступление на учителя Сибирцев.

– Потому что они в твоей бестолковой голове, Ромка, – разгорячился тренер. – Ты же сам их придумал себе, что, в принципе, всегда тебе было присуще. Ты думаешь, почему мне хорошо жить даже в провинциальном Ленинске?

– Действительно, почему?

– Да потому что я живу в созданном собой мире, в котором комфортно и мне самому, и близким мне людям, и ты создай свой, там, где ты хочешь, только делись своей душевной теплотой, чтобы получать ответную теплоту. А люди – они везде одинаковые, что в Кузбассе, что в Москве, что в Лобне.

– А почему я все-таки не стал большим футболистом, Сергей Николаевич, ведь мне этого больше всего в жизни хотелось? – напоследок спросил Сибирцев.

– Да потому что это не твое, не твоя история, ты философ

по натуре, а в спорте ты либо проиграл, либо победил – скучный выбор для умного человека.

Они до утра пили чай, вспоминали 1987-й, когда впервые приехали в Ленинск. И помянули тех ребят, кто отыграл на этом свете все свои матчи: Женьку Пилипова, Колю Козлова, Альберта Никульшина, Вадьку Баженова, Серегу Лемешко...

Наутро Сибирцев улетел в Москву, несколько не сомневаясь, что лет через 10 в самом центре Ленинска обязательно установят памятник тренеру Лисютину. Для этого города лучший детский тренер России сделал много больше, чем Николай П, забронзовевший у местного дворца культуры имени Ярославского.

ГЛАВА XIII

МОСБАСС И КУЗБАССЯТА

Сибирцев обожал, когда его кузбасские друзья приезжали к нему в гости. От них пахло не тайгой, конечно, с пескарями, но какой-то неуловимой свежестью.

С точки зрения локации он сделал удивительно правильный выбор, купив квартиру у аэропорта Шереметьево. Лобня – пристань главной воздушной гавани России.

Прилетев в Москву, друзья ехали к Сибирче сразу из «Шарика».

– Были бы денежки, летали б в гости чаще, но вы же, москали, все деньги выкачали из России, – без злости, но с легкой подковыркой сказал Андрей Принцев и крепко обнял друга.

– Так вы работайте так же много, как москали, и будет вам счастье! – не мог не замкнуть пас поседевшего друга Сибирцев.

– Ну, здорово, Мосбасс! – Серега Бунтаренко хлопнул Сибирцеву по животу. – Ишь, какую мамону налопал на столичных харчах.

– Мосбасс? Что за новое сибирское ругательство, дикарь таежный! – удивился Сибирча. – Можно ведь и по репе получить за «наезды».

– Москва плюс Кузбасс, сокращенно Мосбасс – несложная комбинация, – пояснил Серега. – Родился ты в Кемерове, до 33 лет жил в Сибири, а теперь ты и не москаль стопроцентный, но уже не сибиряк.

– Выходит, дочь моя тоже Мосбасс? – продолжал уточнять Сибирча. – Она в 11 лет в Москву переехала.

– Нет, она уже больше Моооос, чем Басс, потому что большую половину жизни прожила в столице, а вот если у тебя родится внук или внучка в Москве, то эти ребята будут уже 100-процентные москвичи, – разложил пасьянс своих сатирических мыслей Бунтаренок.

– То есть, через 35 лет жизни в столице и я стану стопроцентным москалем? – не унимался Сибирцев.

– Ты – нет, у тебя случай запущенный, мозги уже москальские, а душа – сибирская, вот в чем твоя проблема, сын мой, – расхохотался Серега.

– Насчет души – это еще вопрос, это надо проверить, как Мосбасс нас угощать будет: с размахом сибирским или так – легкий ланч с газировкой, – Принцев всегда умел найти самые нужные слова, чтобы их сила приводила к действию. Писатель, одним словом.

– Что ж, дорогие мои кузбассята, милости просим к столу! – махнул рукой в сторону кухни Сибирцев. – Народ, как говорится, для разврата собрался, только не трывдите, что сибирские пельмени самые вкусные.

Друзья встретились в Лобне, потому что в Кемерове их ежегодная встреча в Антиповке отменилась по причине большого траура.

До пожара в «Зимней вишне» три друга на протяжении 12 лет каждый год у костра в Антиповке собирались вместе на день рождения «старрричка» Принцева.

Сибирцеву было важно посмотреть в глаза земляков, увидеть, что его дорогие кузбассята потихоньку оттаяли от трагедии в «Зимней вишне». Стали улыбаться и балагурить...

Когда в марте 2018-го в Кемерово пришла беда, горожане словно оцепенели. Пожар унес жизни 60 кемеровчан, среди которых было 37 детей.

Мужики тогда не плакали. Горе выстудило души.

Рядом с остовом торгового центра на «Швейке» появилась гора детских игрушек, а народ в немом изумлении все шел к пеплу пожарища, как будто кого-то можно было еще спасти из огня. Вся Россия скорбела по соотечественникам.

В том стылом марте в Кемерове Сибирцев как в детстве загадал желание и весь день прошарился с Димкой Лужиным

по их родному Московскому проспекту, но так и не встретил даже пары снегирей. Пропали и свиристелки.

Желание было простым: пусть радость снова вернется в любимый город.

– Кем-умер-ово, – горько пошутил тогда сквозь слезы Димка Лужин.

Но город выжил.

После пожара одряхлевший «хан» покинул свой пост. На Московском проспекте областного центра кипели стройки кадетского училища, православного храма и нового микрорайона. Прямо на том самом месте, где Сибирцев в детстве вместе с друзьями крали в чужих огородах застывшие ранетки.

Сразу после пожара в «Зимней вишне» посланец Москвы – новый губернатор Кузбасса – встал на колени перед кемеровчанами.

– Москва приближается к Кузбассу, – придумал тогда фантасмагорию Сибирча, хотя даже не опьянел на поминках. Он тоже выстудил душу в том зябком марте...

А ведь и впрямь – приближается. Скоро новая Московская площадь станет главной в Кемерове. Но вряд ли топонимические фокусы остановят массовый отток кузбассовцев с родных мест.

Только за последние три десятка лет трехмиллионное население Кузбасса сократилось почти на 500 тысяч человек. Не все сбежали в Москву, конечно, но убыль катастрофическая.

Из Кузбасса люди едут если не в столицы России, то в Краснодарский край, а те, кто не силах спастись от безденежья и душегубки химических предприятий, уже на погосте. Из шахты прямиком в преисподнюю? Так лучше в Москву.

В Лобне на застольной разминке перед большим футболом ЧМ-2018 Россия – Испания друзья Сибирчи искренне хвалили московские пельмени, слепленные по сибирскому рецепту, беззаботно хохотали, как в юности, травили байки и «потеряли» Бунтаренко.

Сережка отвалился спать под натиском второй бутылки «Столичной» и долгих бесплодных рассуждений на тему: «Ох, не знаешь, ох, не знаешь, где найдешь себя, где потеряешься: там, где родился или где прижился?».

– А как же поход на улицу Никольскую после матча с «эспандерами»? – удивился Принц тому, как сон мгновенно взял власть над Бунтаренком.

– Так вы меня разбудите, я мигом проснусь, – муркнул Серега и завалился дрыхнуть с котом Меськой. Даже во время мундиаля коты с футбольными фамилиями любят всхрапнуть толстыми лапами кверху.

– Ничего, мы тебя разбудим и взбодрим, – хитро кивнул Сибирча, задумав дьявольскую каверзу.

За час до ночной поездки из Лобни в Москву Сибирча и Принцев вышли на лестничную площадку, и Сибирцев набрал номер телефона спящего в его квартире Бунтаренко.

– Понимаешь, Серега, ты так сладко спал, что мы не стали тебя будить, – начал хитроумный розыгрыш Сибирча.

– А вы где? – спросонья спросил Бунтаренок.

– Так на Никольской же, вся страна гуляет от радости. Наши грохнули испанцев, праздник же, ты ведь не спать в Москву прилетел из самой Сибири...

Серега не просто с обидой в голосе прервал разговор, отключив связь. Он был уничтожен коварством друзей, которые его лишили победного ликования на главной праздничной улице первого в истории чемпионата мира по футболу в России.

Выждав две минуты «мхатовской» паузы, Принц и Сибирча вернулись в квартиру, чтобы попасть под пинки и децибелы благого мата обманутого Бунтаренко.

– Всё, нету у меня больше друзей, – уже больше, конечно же, в шутку свирепствовал Серега. – Ну и как вас после этого называть, подлецы и лицемеры? Заразились московскими штучками.

Через 30 минут после «шутки дня» друзья неслись на электричке из Лобни в ночную Москву.

– А после электрички лезть в шахту? – на перроне станции Тимирязевская съязвил Андрюха Принцев.

– Какая шахта, тундра сибирская, это в Сибири шахта, а Московское метро – лучшее в мире, – рассмеялся Сибирча.

На Никольской улице «моча победы» ударила Мосбассу в голову, и он полез на бетонную урну у фонарного столба.

В свете ярких ночных огней празднично украшенной улицы, ведущей к Кремлю, Сибирцев до утра славил земляка-футболиста Головина, орал Гимн России, и конечно, любимую кричалку:

– Это вам не хрен в стакане, это мы, кемеровчане!

Красно-желтые испанцы, бело-голубые в полоску аргентинцы, желто-зеленые бразильцы приветствовали чудного вестника Победы из чуждой страны, за время мундиаля ставшей иностранцам более близкой и понятной.

В эту ночь Сибирцев от всей своей широкой сибирской души искренне сочувствовал иностранцам, потому что Бог не дал им счастья родиться в России, ну хотя бы в Лобне, не говоря уж о Кемерове.

Полицейские не реагировали на буйство сибирского чудака. Он был в ту ночь не один такой блаженный. Вся Россия сошла тогда с ума от счастья. И Сибирцев был безудержно счастлив, наверное, впервые за годы, которые он прожил в столице.

«Да и хрен с ней, с этой дурой Светкой Говоровой из «бастиона правды», – подумал Сибирцев. – Каждый проживает только свою жизнь, хоть в Кемерове, хоть в Москве. Лишь бы в радость – близким и себе... А с вами, москалями, я еще пободаюсь на вашей поляне... Играем только до победного».

Наутро кемеровские друзья улетели в Сибирь, хотя, как показалось Сибирче, были бы не прочь остаться на празднике жизни. А «Мосбасс» пошел на работу в «Вечернюю Мо-

ску» – единственную газету в стране, где был опубликован некролог на смерть Владимира Высоцкого.

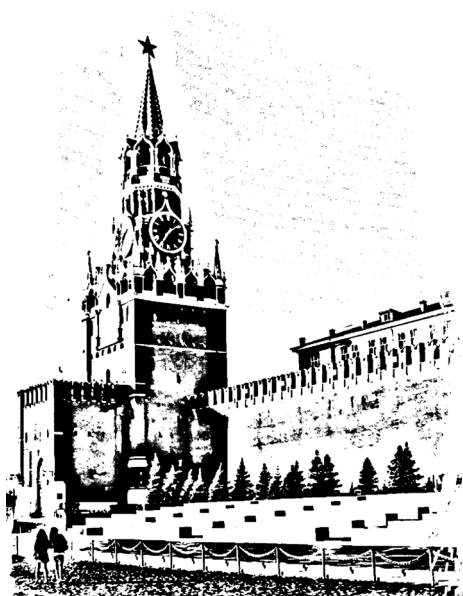
Куранты Спасской башни показывали точное, реальное время жизни Сибирцева.

Через год любимая дочь подарила «Мосбассу» внучку Лану. Уже москвичку.

До пандемии коронавируса и безвременья «Великого обнуления» оставались считанные мгновения.

Кемерово – Москва

2020

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Одиссея Романа Сибирцева

В столице Кузбасса вышла в свет книга журналиста Руслана Карманова «Мосбасс», посвящённая «настоящим сибирякам из Кемерово». Повесть объёмом 70 страниц – литературный дебют коренного кемеровчанина, работающего сегодня специальным корреспондентом газеты «Вечерняя Москва».

«Жил-был я. Стоит ли об этом?». Конечно, стоит, когда настало время остановиться-оглянуться, когда за спиной своя глубокая колея «и мысли в голове волнуются в отваге», а газетная полоса ограничена темой, персонажем и жанром.

Руслану Карманову тесно в газетных рамках, и он старается «выйти из комнаты», вырваться на творческую свободу, что успешно делал, будучи золотым пером «Советского спорта», а ныне – «Вечерней Москвы». Благо не занимается «паркетной» журналистикой, представляя СМИ в официозных пулах.

Газетная поденщина сродни отнюдь не самоизоляции (одно из самых популярных слов нынешнего года), а самосгоранию, когда журналист, капитализируя в редакционной горячке языковые штампы, теряет чувство слова.

А Руслан Карманов, будучи выпускником исторического факультета Кемеровского госуниверситета, стремится использовать в повести богатейшую палитру русского языка. Да, порой переходит в «плетение словес», что, впрочем, не вызывает раздражения, а подчёркивает стилистическую индивидуальность автора.

К примеру, такой пассаж: «ЧМ-2007 – настоящая сибирская хлебосольная свадьба, на которую пригласили не только кемеровчан, но и всю родню, всех, кого вспомнили, даже самых далёких родственников русского хоккея <...> ЧМ-2007 – именины кузбасского сердца. Свадьбу гуляли неделю, с танцами, с раскатистой музыкой на всех площадях, в полифонии

которой нашлось важное место и для баянов, и для бубнов забайкальских шаманов, и для первых-вторых скрипочек симфонического оркестра».

Кстати, именно после этого турнира автор переехал в Москву по приглашению главного редактора «Советского спор-та», которого считает учителем и потому не забывает его напутствия: «Ты сам главный режиссёр и монтажёр своей статьи, крути время, как хочешь, начни с прошлого, уйди в будущее, а закончи, например, настоящим. Главное, чтобы читателя зацепила твоя история, ну а высший пилотаж стилиста – смех сквозь слёзы и наоборот».

В художественной вещи, пусть и жанрово обозначенной как «повесть о настоящем», можно устроить плавающий котёл, соединив на основе автобиографии новеллу, памфлет, анекдот, стихи в прозе, мемуары...

Что, собственно, и делает Руслан Карманов. И это не эклектика, а вполне гармоничная полифония или полифоническая гармония со сквозным сюжетом: одиссея Романа Сибирцева (альтер-эго автора) по родному краю, а потом из Кузбасса в Москву, куда уехал в 34 года. И обратная одиссея: из столицы нашей Родины в родной город, «куда любил возвращаться в любое время года».

Понятно, Москва душила в объятиях сибиряка, но он выстоял-выдюжил, арендовал восемь квартир, пока не взял в ипотеку двушку в Лобне.

Сегодняшнюю «столицу пилотов и стюардесс», в трёх верстах от аэропорта Шереметьево, увековечил Веничка Ерофеев в поэме «Москва – Петушки». Конечно, автор «Мосбасса» цитирует нетленку: «Я увезу тебя в Лобню, я облеку тебя в пурпур и кручёный виссон. Я подработаю на телефонных коробах, а ты будешь обонять что-нибудь – лилии, допустим, будешь обонять. Поедем!» А она – молча протянула мне шиш.

Сибирцев из поколения, рождённых в 1970-х, чья моло-

досье пришлась на «лихие девяностые», после распада СССР. И вряд ли переживал из-за того, что рухнул «союз нерушимый», хотя «каждый день советского детства дарил ему бесценное богатство новых эмоций», не всегда, впрочем, радостных: в пятом классе его исключили из пионеров.

Об этом неординарном для советского школьника событии в повести упомянуто мимоходом, но, наверное, именно такого рода ЧП и формируют характер. А закалялся характер, не сгибаясь и под авторитетным влиянием, в общении с земляками, колоритная галерея которых запечатлена в «Мосбассе».

Прототипы героев – посильный кроссворд для ближнего круга автора, а для благодарного читателя пусть останутся лицами с необщим выражением, большинство из них – настоящие сибиряки, коим и посвятил свою вещь автор.

В этой когорте двухметровый гигант Кроха, наставлявший героя: «Бей первым, Сибирча, особенно когда ты против кодлы, прущей буром. Получишь в глаз – плохо, но оклемаешься, если не затопчут. Куда гаже, когда по мусалу схлопотал и в драку ввязаться струхнул, сожрёшь потом себя за трусость».

Тренер Лисютин, преуспевший как футбольный педагог в лечении периферийного синдрома: «Я учил вас быть самодостаточными, где бы вы ни оказались, в любых жизненных обстоятельствах...».

Президент ХК «Кузбасс» Щегловский, не советующий Сибирцеву возвращаться домой: «Слабину, что ли, дал? Не пори чушь, уля ты тут будешь делать? Работай в Москве, общайся с великими людьми, люби близких, плати свою ипотеку, а если станет невмоготу, дуй на каникулы в Кузбасс заправить баки».

Советы земляков равносильны приснопамятной триаде: «Не верь. Не бойся. Не проси». Есть и другая триада: «Советь. Благородство и Достоинство – вот оно святое наше

воинство». Чувство справедливости отличает Сибирцева, но и не позволяет ему полностью адаптироваться в столице, «не быковать», как советует коллега.

Главный герой «Мосбасса» – сибиряк-пассионарий (человек, наделённый избыточной энергией), способный на поступок и, стало быть, меняющий свою жизнь в отличие от конформиста, робеющего в экстремально-конфликтных ситуациях.

Роман Сибирцев, «вечный странник в поисках себя», пытается найти ответы на извечные вопросы: меняется ли жизнь естественным образом или всё-таки мы сами её меняем; мы выбираем или нас выбирают?

Москва и Кузбасс – отнюдь не два берега одной реки, а скорее, антитеза для Сибирцева на всю оставшуюся жизнь. На мой вкус, «Мосбасс» – художественное воплощение этой альтернативы.

Можно уехать из Кузбасса хоть на край света, но Кузбасс от тебя никуда не уедет. Не уедет и родной город: «Кемерово – дядька, суровой такой с бородищей, но добрый в душе, вечный каторжанин или бедолага, кто свой срок уже отмотал и живёт себе на поселении, подальше от столиц и высокого начальства».

Роман Сибирцев прописался вдали от «невыразимо прекрасной Томи», но не изменяет малой родине, не путает её с «вашим превосходительством», постоянно возвращаясь (чаще виртуально, изредка реально) туда, где родня, друзья, сказочное место в Сосновом бору, стадион в центре города – «главный Кремль Кемерова»...

Да, Кемерово склоняется (название первой главы книги). Для кого-то это склонение неведомо, для кого-то неприемлемо. А коренной кемеровчанин склоняется к родному краю, к настоящим сибирякам, не склоняя головы, не «обнуляясь» в мятежном духовном поиске.

Действительно, «кто уж начал, тот не начинающий!». И чем дольше послевкусие, тем интереснее художественная вещь.

Андрей Королёв в предисловии к книге под названием «Как он смел» утверждает, что «ближе всего «Мосбасс» к то-сту – пускай и длинному, и с отступлениями». Что ж, все жанры хороши, кроме скучного.

С бесстрашным дебютом в русской словесности, Руслан Николаевич!

Вадим АНТОНОВ

(газета «Кузбасс», 31 июля 2020 года)

Литературно-художественное издание

Руслан Карманов

МОСБАСС

(Повесть о настоящем)

Текст печатается
в авторской редакции

Фото: *Сергей Панкратьев*

Корректурa: *Наталья Преловская, Андрей Королев*

Компьютерная верстка: *Марина Морозова*

Дизайн обложки: *Кирилл Макаров*

*Автор благодарит Веронику Дзвоник
за помощь в публикации повести*

Подписано в печать 02.10.2020. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 6,28. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в лаборатории множительной техники
Кемеровского государственного университета
650000, г. Кемерово, пр-т Советский, 73